

Книга читается на одном дыхании, и, когда вы дойдете до последней страницы, мир, возможно, не переменится, зато наверняка изменитесь вы сами.

Одри Ниффенеггер,
автор романа «Жена путешественника во времени»

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

КОМНАТА

ЭММА ДОНОХЬЮ

Азбука-бестселлер

Эмма Донохью

Комната

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-44

Донохью Э.

Комната / Э. Донохью — «Азбука-Аттикус», 2010 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-14737-9

Что такое свобода? И кто свободнее – человек, ни разу в жизни не покидавший четырех стен, в которых родился, и черпающий знания об окружающем мире из книг и через экран телевизора? Или тот, кто живет снаружи? Для маленького Джека таких вопросов не существует. Он счастлив, с ним его мама, он не знает, что по чьему-то злобному умыслу вынужден жить не так, как живут другие. Но иллюзия не бывает вечной, маленький человек взрослеет, и однажды наступает прозрение. Тогда комната становится тесной и нужно срочно отыскать способ, как выбраться за ее пределы.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-14737-9

© Донохью Э., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Глава 1. Подарки	6
Глава 2. Правдивый рассказ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эмма Донохью Комната

Emma Donoghue
Room

© 2010 by Emma Donoghue Ltd

© Перевод ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящаю Финну и Уне, лучшим моим произведениям

*Сколько я перенес тревог!
И вот ты спокойно спишь;
Во сне видишь мрачный лес
в отлитой из бронзы тьме,
и в ней ты лежишь одна,
недвижно и тихо.*

Симонид. Даная¹

¹ Симонид Кеосский (ок. 556–468 до н. э.) – один из самых известных поэтов-лириков Древней Греции.

Глава 1. Подарки

Сегодня мне исполнилось пять лет. Когда я засыпал вечером в шкафу, мне было еще четыре, но, проснувшись ночью в кровати, я стал уже пятилетним, чушь какая-то. До этого мне было три года, а еще раньше – два, один и ноль.

– А у меня был минус?

– Что? – спрашивает Ма, сильно потягиваясь.

– На небесах. Был ли у меня минус один год, минус два, минус три?

– Не-а, счет начался только после того, как ты спустился на землю.

– Через окно на крыше. И тебе было очень тоскливо, пока я не завелся в твоем животике.

– И не говори. – Ма свешивается с кровати и включает лампу. Со звуком *вум* вся комната освещается.

Я вовремя успеваю закрыть глаза, потом быстро открываю один, а за ним и второй глаз.

– Я себе все глаза выплакала, – говорит Ма. – Я лежала и считала секунды.

– И сколько же у тебя получилось секунд? – спрашиваю я.

– Много-много миллионов.

– Нет, ты скажи точно, сколько миллионов?

– Да я уж и счет им потеряла, – отвечает она.

– Тогда ты стала все время думать о своем яйце и вскоре растолстела.

Ма улыбается:

– Я чувствовала, как ты там толкаешься.

– А во что я толкался?

– В меня, конечно.

В этом месте я всегда смеюсь.

– Ты толкался изнутри, *бум-бум*. – Ма поднимает свою футболку, в которой она спит, и несколько раз с силой надувает живот. – И тогда я подумала: «Это Джек выходит наружу». А утром ты с широко раскрытыми глазами выскользнул на ковер.

Я смотрю на ковер, весь в красных, коричневых и черных зигзагах, обвивающих друг друга. На нем виднеется пятно, которое я нечаянно посадил во время своего рождения.

– А потом ты перерезала шнур, и я стал свободен, – говорю я Ма. – А потом я превратился в мальчика.

– Да ты уже сразу был мальчиком. – Она встает с кровати и включает обогреватель, чтобы согреть в комнате воздух.

Я думаю, что он, должно быть, не приходил вчера вечером после девяти, поскольку, когда он является, воздух в комнате немного меняется. Но спрашивать у Ма я не стал.

– Скажи мне, мистер Пятилетний, когда ты хочешь получить подарок – сейчас или после завтрака?

– А что это за подарок, скажи?

– Я знаю, что ты стораешь от любопытства, – отвечает Ма, – но только не грызи ногти, ведь в дырочку могут пролезть микробы.

– И тогда я заболею, как в три года, когда у меня были температура и понос?

– Еще хуже, – отвечает Ма, – от микробов можно умереть.

– И раньше времени отправиться на небеса?

– А ты все равно продолжаешь грызть. – Ма отнимает мою руку ото рта.

– Прости. – Я засовываю провинившуюся руку под себя. – Назови меня еще раз мистером Пятилетним.

– Ну так как, мистер Пятилетний, сейчас или попозже?

Я запрыгиваю на кресло-качалку, чтобы посмотреть на часы. Они показывают 7:14. Не держась за ручки, я катаюсь на кресле-качалке, как на скейтборде, а потом перепрыгиваю на одеяло, представляя себе, что качусь теперь на сноуборде.

– А когда надо получать подарки?

– Когда тебе захочется. Давай я выберу за тебя, – предлагает Ма.

– Нет, мне уже пять, и я сам выберу. – Мои пальцы снова тянутся ко рту, но я засовываю их в изгиб локтя и крепко сжимаю. – Я выбираю сейчас.

Ма вытаскивает что-то из-под подушки, я думаю, она спрятала это, чтобы я не увидел. Это рулон разлинованной бумаги, обвязанный пурпурной ленточкой от шоколадок, которые мы получили на Рождество.

– Разверни его, – говорит Ма. – Только осторожно.

Я распутываю узел и разворачиваю бумагу – это рисунок, сделанный простым карандашом и нераскрашенный. Я сначала не понимаю, что это за рисунок, но потом до меня доходит.

– Так это же я! – Как в зеркале, только крупнее – моя голова, плечо и рука в рукаве футболки, в которой я сплю. – А почему это у меня глаза закрыты?

– Потому что я рисовала тебя ночью.

– Как же ты сделала рисунок, если ты спала?

– Нет, я не спала. Вчера утром и позавчера и за день до этого я включала лампу и рисовала тебя. – Но тут она перестает улыбаться. – В чем дело, Джек? Тебе не нравится подарок?

– Нет, мне не нравится, что ты не спала, когда я спал.

– Ну я же не могла рисовать тебя, когда ты бодрствовал, иначе бы это не было сюрпризом. – Ма ждет моего ответа. – А я думала, ты любишь сюрпризы.

– Я предпочитаю такие сюрпризы, о которых я знаю.

Ма издает короткий смешок.

Я залезаю на качалку, чтобы вытащить кнопку из набора, лежащего на полке. Минус одна означает, что теперь от пяти кнопок остался ноль. Когда-то их было шесть, но одна куда-то пропала. На одной кнопке держится картина «Великие шедевры западного искусства № 3: Богородица с младенцем, св. Анной и св. Иоанном Крестителем», которая висит позади качалки; на другой – «Великие шедевры западного искусства № 8: Впечатление: Восход», рядом с ванной; на третьей – картина с безумной лошастью, под названием «Великие шедевры западного искусства № 11: Герника». Мы получили эти шедевры вместе с коробками овсянки, но осьминога я нарисовал сам – это мой лучший рисунок, сделанный в марте; правда, из-за горячего воздуха, поднимающегося над ванной, он слегка покособился. Я прикрепляю мамин сюрприз к пробковой плитке, расположенной в самом центре над кроватью, но она качает головой:

– Только не здесь.

Она не хочет, чтобы Старый Ник увидел этот рисунок.

– Тогда давай повесим его в шкафу, на его задней стенке, – предлагаю я.

– Отличная идея.

Шкаф сделан из дерева, так что мне приходится посильнее нажимать на кнопку. Я закрываю дверцы, которые всегда скрипят, даже после того, как мы смазали петли кукурузным маслом. Я гляжу в щелку, но внутри темно. Тогда я чуть-чуть приоткрываю дверцу – рисунок кажется белым, с маленькими серыми линиями. У самого моего глаза висит голубое мамино платье. Я имею в виду глаз на рисунке, поскольку платье – настоящее и висит в шкафу.

Я чувствую по запаху, что Ма стоит рядом, – у меня самый тонкий нюх в нашей семье.

– Ой, я забыл попить, когда проснулся.

– Ничего страшного. Может быть, пропустим разок, ведь теперь тебе уже пять?

– Ни в коем случае, Хозе.

Ма ложится на белое одеяло, а я устраиваюсь рядом и принимаюсь сосать молоко.

Я отсчитываю сотню подушечек и заливаю их молоком, которое почти такое же белое, как и наши тарелки. Мне удастся не расплескать ни капли, слава младенцу Иисусу. Я выбираю оплавленную ложку с белой ручкой, покрытой пятнышками, – однажды ее случайно прислонили к горячей кастрюле, в которой варились макароны. Ма не любит оплавленную ложку, но у меня она самая любимая, потому что не похожа на все остальные.

Я разглаживаю царапины на столе, чтобы он получше выглядел. Наш круглый стол – белого цвета, только царапины на нем серые. Они образовались там, где Ма режет овощи и другие продукты. За едой мы играем в мычание, поскольку для этой игры не надо открывать рот. Я угадываю мелодии «Макароны», «Она спускается с гор» и думаю, что третья песня – это «Спустись пониже, милая колесница», но на самом деле это – «Штормовая погода». Так что я получаю два очка, и Ма целует меня два раза.

Я мычу «Греби, греби, греби, моряк», и Ма сразу же отгадывает. Когда же я начинаю песню «Говорун», она корчит гримасу и говорит:

– Я знаю эту песню, в ней поется о том, как человек упал и снова поднялся, только вот забыла, как она называется. – В конце концов она все-таки вспоминает ее название. В третий раз я мычу «Не могу выбросить тебя из головы», но Ма никак не может отгадать. – Ты выбрал такую сложную песню... Ты слышал ее по телевизору?

– Нет, ты сама мне ее пела.

Я исполняю припев, и Ма говорит, что она ужасно бестолковая.

– Тупица, – говорю я и дважды целую ее.

Я поддвигаю стул к мойке, чтобы вымыть посуду. Тарелки приходится мыть осторожно, зато мисками можно всласть позвенеть *банг-банг*. Глядя на себя в зеркало, я высовываю язык. Ма стоит позади меня; я вижу, что мое лицо накладывается на ее, словно маска, которую мы делали на Хеллоуин.

– Жаль, что рисунок не получился, – говорит она, – но, по крайней мере, на нем видно, на кого ты похож.

– И на кого же я похож?

Она прикладывает к зеркалу палец в том месте, где отражается мой лоб. От него остается кружок.

– Ты – точная копия меня.

– А что такое «точная копия»? – Кружок постепенно исчезает.

– Это означает, что ты во всем похож на меня. Наверное, потому, что ты сделан из меня. Те же самые карие глаза, такой же большой рот и острый подбородок...

Я смотрю в зеркало на нас с Ма, а мы с Ма из зеркала смотрим на меня.

– А нос у меня совсем другой.

– Ну, сейчас нос у тебя еще совсем детский.

Я трогаю его.

– А он что, отвалится и на его месте вырастет новый?

– Нет, нет, он просто станет больше. А вот волосы точно такие же, как и у меня, – темные.

– Но у меня они доходят до поясницы, а у тебя только до плеч.

– Это правда, – говорит Ма, беря тюбик с пастой. – Твои клетки в два раза живее моих.

Я не могу себе представить, как можно быть наполовину живым. Я снова смотрю в зеркало. Наши футболки, в которых мы спим, разные, и белье тоже – на мамином нет медвежат.

Когда она во второй раз сплевывает, настает моя очередь чистить зубы. Я чищу каждый свой зуб со всех сторон. Мамин плевок в раковине не похож на мой. Я смываю оба плевка водой и улыбаюсь улыбкой вампира.

– Ой! – Ма закрывает глаза. – Твои зубы сверкают такой чистотой, что я чуть было не ослепла.

Ее зубы совсем гнилые, поскольку она забывала их чистить. Сейчас она жалеет об этом и теперь уже чистит после каждой еды, но они все равно уже испорчены.

Я выравниваю стулья, поставив их у двери напротив одежного коня. Он всегда ворчит и говорит, что у нас мало места, но если его сложить, то места будет сколько угодно. Я тоже могу сложиться, но не вдвое, как он, из-за моих мышц – ведь я живой, а он нет. Дверь сделана из волшебного блестящего металла, и после девяти, когда я забираюсь в шкаф, она произносит *бип-бип*.

Сегодня в окне не было желтого лица Бога; Ма говорит, что Его свет не может пробиться сквозь снег.

– Какой снег?

– А вот, посмотри, – отвечает Ма, показывая на окно в крыше.

В него виден слабый свет, окруженный темнотой. В телевизоре снег всегда белый, а настоящий – нет, это что-то непонятное.

– А почему он не падает на нас?

– Потому что он снаружи.

– В открытом космосе? Жаль, что он не внутри, я хотел бы с ним поиграть.

– Тогда бы он растаял, потому что здесь тепло.

Тут Ма начинает мычать, и я сразу же догадываюсь, что это «Пусть идет снег», и пою второй куплет. Потом я пою «Чудесную зимнюю страну», и Ма присоединяется ко мне, только на тон выше.

Каждое утро у нас целая уйма дел – мы выливаем чашку воды в цветок, поставив его в раковину, чтобы вода не пролилась на шкаф, а потом ставим его назад на блюдце. Цветок раньше жил на столе, но лицо Бога сожгло у него лист. Теперь у него осталось девять листьев, они шириной с мою ладонь и покрыты ворсинками, словно собаки, как говорит Ма. Но собаки живут только в телевизоре. Мне не нравится число «девять». Я нашел на цветке крошечный новый листочек, я видел его уже два раза – значит, теперь их снова десять.

А вот пауки – настоящие. Я ищу паука, но вижу только паутину между ножкой стола и его норкой. Стол очень устойчивый, и это очень странно – я долго могу стоять на одной ноге, но в конце концов всегда падаю. Я не стал рассказывать Ма о пауке. Она тут же сметет его веником. Она говорит, что это грязь, но для меня паучья сеть похожа на тончайшее серебро. Ма любит животных, которые бегают повсюду и поедают друг друга в телепрограмме, посвященной дикой природе, а настоящих – нет. Когда мне было четыре, я наблюдал, как муравьи ползут вверх по плите, а она прибежала и раздавила их всех, чтобы они не съели нашу еду. Минуту назад они были еще живые и вдруг превратились в грязь. Я плакал так сильно, что казалось – мои глаза вытекут вместе со слезами. А в другой раз ночью что-то звенело и кусало меня, и Ма убила его на той стене, где расположена дверь. Это был комар. На пробке до сих пор осталось пятно, хотя она пыталась его оттереть, – это была моя кровь, которую выпил из меня комар, словно маленький вампирчик. Я первый раз в жизни потерял тогда немного крови.

Ма вынимает из серебристой упаковки с двадцатью восемью маленькими космическими корабликами свою таблетку, а я беру витаминку из бутылочки, на которой нарисован мальчик, стоящий на голове. Ма достает свою витаминку из банки с рисунком, на котором изображена женщина, играющая в теннис. Витамины нужно пить, чтобы не заболеть и не вернуться раньше времени на небеса. Я не хочу на небеса, мне не нравится умирать, но Ма говорит, что, когда нам будет лет по сто и мы устанем от игр, нам, возможно, и захочется умереть. И еще она принимает таблетку, убивающую боль. Иногда она глотает две такие таблетки, но не больше, поскольку есть вещи, которые полезны, а потом вдруг, когда их слишком много, становятся вредными.

– Что, опять зуб заболел? – спрашиваю я.

Этот зуб у нее наверху, в конце челюсти, он самый плохой.

Ма кивает.

– А почему ты не пьешь по две таблетки каждый день?

Она морщится:

– Потому что боюсь попасть в зависимость.

– Как это?

– Ну, это все равно что попасть на крючок, поскольку тогда я уже не смогу без них обойтись. То есть буду пить все больше и больше таблеток.

– А что в этом плохого?

– Это трудно объяснить.

Ма знает все, кроме вещей, которые она плохо помнит. Иногда она говорит, что я еще слишком мал, чтобы понять ее объяснения.

– Мои зубы меньше болят, когда я о них не думаю, – говорит она.

– Как это?

– Это называется заикнуться на чем-то. Но если не думать об этом, то оно теряет свое значение.

Странно: если у меня что-нибудь болит, я всегда об этом думаю. Ма растирает мне плечо, хотя оно и не болит, но мне все равно это нравится.

Я все еще молчу о паутине. Как странно иметь что-то свое, принадлежащее только мне. Все остальное – наше общее. Я понимаю, что мое тело принадлежит мне, как и мысли в моей голове. Но мои клетки сделаны из маминых, так что я – вроде как часть ее. И еще, когда я говорю ей, о чем я думаю, а она говорит мне, о чем думает она, наши мысли перепрыгивают из одной головы в другую. Это все равно что красить голубым мелком поверх желтого – получается зеленый.

В 8:30 я нажимаю кнопку телевизора, просматриваю три канала и нахожу «Дору-исследовательницу», мой любимый мультик. Ма медленно двигает проволочным кроликом, улучшая изображение с помощью его ушей и головы. Однажды, когда мне было четыре, телевизор умер, и я горько плакал, но ночью Старый Ник принес волшебную коробочку – преобразователь, и она вернула телевизор к жизни. На других каналах, кроме трех, изображение очень размытое, и мы их не смотрим, поскольку от этого болят глаза. Только когда на них бывает музыка, мы закрываем экран покрывалом и просто слушаем ее.

Сегодня я кладу пальцы на голову Доры, обнимаю ее и рассказываю ей о том, что я умею делать в свои пять лет, и она улыбается. У нее на голове огромная шапка волос, похожая на коричневый шлем с выстриженными острыми прядями – они длиной с нее саму. Я сажусь на колени к Ма и ерзаю, пока не устраиваюсь подальше от ее острых костей. У нее не так уж много мягких частей, но те, что есть, очень мягкие.

Дора говорит что-то по-испански, вроде «le hicimos». Она всегда носит рюкзак, который внутри больше, чем снаружи. Там помещается все, что нужно, вроде лестниц и космических костюмов, одежды для танцев и игры в футбол. Еще там есть флейта и все, что нужно для приключений с Бутс, ее лучшей подружкой – обезьянкой. Дора всегда говорит, что ей нужна моя помощь. Например, она спрашивает, могу ли я найти волшебную вещь, и ждет, когда я скажу «да». Если я кричу: «Она за пальмой» – и голубая стрелка показывает туда же, она говорит: «Спасибо». Но другие герои на экране нас не слушают. На карте каждый раз показывают три места – сначала надо дойти до первого, потом до второго и до третьего. Я иду с Дорой и Бутс, держа их за руки, пою вместе с ними все песни, особенно те, в которых они кувыркаются и хлопают друг друга по поднятой ладони или исполняют танец глупого цыпленка. Нам надо следить еще за трусливым Воришкой, – увидев его, мы должны три раза крикнуть: «Воришка, не воруй!» – а он злится и говорит: «О боже!» – и убегает. Однажды Воришка сделал бабочку-робота с дистанционным управлением, но она вместо Доры и Бутс ударила его самого по маске

и перчаткам, а мы очень радовались. Иногда мы ловим звезды и кладем их в карман рюкзака. Мне больше всего нравится Крикливая Звезда, которая всех будит, и еще Переменчивая Звезда, которая может принимать самые разные формы.

На других каналах показывают в основном людей, сотни которых вмещаются в экран, за исключением одного человека, который крупнее и ближе всех. У них вместо кожи одежда, их лица – розовые, или желтые, или коричневые, или пятнистые, или волосатые, с очень красными губами и большими глазами, уголки которых подкрашены черным. Они много смеются и громко кричат. Я хотел бы смотреть телевизор не переставая, но от этого портятся мозги. До того как я спустился с небес, Ма целый день не выключала телевизор и превратилась в зомби, которая похожа на привидение, но только громко топает при ходьбе. Поэтому теперь, посмотрев одну передачу, она всегда его выключает; за день клетки в мозгу снова нарастают, и после ужина мы смотрим еще одну передачу, а во время сна мозг снова увеличится.

– Давай посмотрим еще одну, ведь сегодня мой день рождения. Ну пожалуйста!

Ма открывает рот, а потом закрывает. Она говорит:

– Хорошо, давай посмотрим. – Она выключает звук во время рекламы, потому что реклама съедает мозги гораздо быстрее, чем все другие передачи, а если звука нет, то она не попадает в уши.

По телевизору показывают игрушки, отличный грузовик, трамплин и биониклы. Два мальчика воюют, держа в руках трансформеры, но я вижу, что это дружеская схватка, а не драка плохих мальчишек.

После этого начинается новая передача, это «Губка Боб – Квадратные Штаны». Я подбегаю, чтобы потрогать его и еще Патрика, морскую звезду, но не головоногого моллюска – от него меня бросает в дрожь. Это страшная история об огромном карандаше, и я смотрю ее сквозь мамины пальцы, которые в два раза длиннее моих.

Ма никого не боится, за исключением разве что Старого Ника. Большей частью она называет его просто «он». Я даже не знал его имени, пока не увидел мультфильм о старике, который приходит ночью и которого зовут Старый Ник. Я называю так реального человека, потому что он тоже приходит ночью, но он совсем не похож на парня в телевизоре – у того есть борода. Однажды я спросил у Ма, действительно ли Ник старый, и она ответила, что он почти в два раза старше ее, а это очень много.

Как только передача заканчивается, Ма встает и выключает телевизор.

Моя моча желтая от витаминов. Я сажусь покакать и говорю какашкам:

– До свидания, плывите в море. – Смыв их, я смотрю, как со звуком *бабл-гэгл-вёбл* бачок заполняется водой. Потом я тру свои руки до тех пор, пока мне не начинает казаться, что с них вот-вот слезет кожа. Так я узнаю, что хорошо вымыл руки. – Под столом – паутина, – говорю я, хотя совсем не собирался этого делать. – Там паук, он настоящий. Я видел его два раза.

Ма улыбается, но не по-настоящему.

– Пожалуйста, не смахивай ее веником. Потому что паука на ней нет, но он может вернуться.

Ма становится на колени и смотрит под стол. Я не вижу ее лица, пока она не закладывает волосы за уши.

– Знаешь что? Я оставлю паутину до уборки, хорошо?

Уборка бывает по вторникам, значит, еще три дня до нее.

– Хорошо.

– Знаешь что? – Она встает. – Давай-ка отметим твой рост, ведь тебе уже пять.

Я подпрыгиваю от радости.

Обычно Ма не разрешает мне рисовать на стенах или мебели. Когда мне было два, я нацарапал что-то на ножке кровати, около шкафа, и теперь, когда мы делаем уборку, она всякий раз стучит по этой ножке и говорит:

– Посмотри, эта надпись останется здесь навсегда.

Но отметки моего роста – это совсем другое дело. Это крошечные цифры на косяке двери: черная четверка и черная тройка под ней, а двойка имеет цвет пасты из старой ручки, которая уже давно закончилась. В самом низу – красная цифра «один».

– Стань прямо, – говорит Ма. Она кладет ручку мне на голову.

Когда я делаю шаг от стены, то чуть выше цифры «четыре» вижу черную цифру «пять». Я люблю эту цифру больше всех остальных; у меня пять пальцев на руках и столько же на ногах. То же самое и у Ма, мы ведь с ней точные копии друг друга. Зато я терпеть не могу цифру «девять».

– Ну и какой же я длины?

– Не длины, а роста. Ну, я точно не знаю, – отвечает Ма. – Может быть, как-нибудь попросим Старого Ника принести нам сантиметр в качестве воскресного подарка?

А я-то думал, что сантиметры бывают только в телевизоре.

– Нет, лучше попросим шоколаду. – Я кладу палец на цифру «четыре» и стою, уткнувшись в нее лицом. Палец лежит на моих волосах. – Я очень мало вырос за этот год.

– Это нормально.

– Что такое «нормально»?

– Ну... – Ма жует губу. – Это означает, что все в порядке. Никаких проблем.

– Зато посмотри, какие у меня мышцы.

Я прыгаю по кровати, представляя себя Джеком-Великаном в семимильных сапогах.

– Большие, – говорит Ма.

– Гигантские.

– Массивные.

– Здоровенные.

– Огромные, – говорит Ма.

– Огромасные.

– Это слово-бутерброд. Оно образуется, когда мы складываем два слова вместе.

– Хорошо сказано.

– Знаешь что? – говорю я ей. – Когда мне будет десять, я буду уже выросшим.

– Да?

– Я буду становиться все больше, и больше, и больше, пока не превращусь в человека.

– Но ты уже и так человек, – возражает Ма. – Мы с тобой оба люди.

Я думаю, что это слово к нам не подходит. Люди в телевизоре сделаны из цвета.

– Ты имел в виду женщину с буквы «Ж»?

– Да, – говорю я, – женщину с мальчиком в яйце в своем животике, и он тоже будет настоящим. Или я вырасту великаном, только добрым, вот такого роста. – И я подпрыгиваю, чтобы дотронуться до того места, где наклонная крыша соединяется со стеной, у которой стоит кровать.

– Звучит отлично, – говорит Ма.

Ее лицо становится скучным, а это означает, что я сказал что-то не то, только я не знаю что.

– Я вылечу через окно в крыше в открытый космос и буду *боинг-боинг* между планетами, – говорю я. – Я навещу Дору и Губку Боба и всех моих друзей и еще заведу пса по кличке Счастливчик.

Ма улыбается, укладывая ручку на полку.

Я спрашиваю ее:

– А сколько тебе исполнится в твой день рождения?

– Двадцать семь.

– Ух ты!

Но я не думаю, чтобы мой возглас приободрил ее.

Пока в ванну наливается вода, Ма достает со шкафа лабиринт и замок. Мы начали строить лабиринт, когда мне было два года. Он состоит из картонных трубок из-под туалетной бумаги, скрепленных внутри клейкой лентой, которые образуют туннели, изгибающиеся в разные стороны. Мячик очень любит прятаться в лабиринте, и мне приходится звать его оттуда – трясти и поворачивать изгибы в разные стороны и вверх ногами, пока он наконец не выкатится назад. Фу! Потом я бросаю внутрь лабиринта разные вещи вроде ореха, или обломка голубого мелка, или коротких кусочков сухих спагетти. Они гоняются друг за другом в туннелях, стучась и крича *бу*. Я не вижу их, но прислушиваюсь через картон и догадываюсь, где они. Зубная щетка хочет свернуть за угол, но я прошу у нее прощения и говорю, что она слишком длинная. Вместо этого она запрыгивает на башню замка, чтобы сторожить подходы к нему. Замок сделан из консервных банок и бутылочек из-под витаминов, и мы надстраиваем его, когда у нас появляются пустые. Мне хотелось бы брать его с собой в ванну, чтобы он стал островом, но Ма говорит, что в воде лента отклеится и он развалится.

Мы развязываем свои хвосты и пускаем волосы плавать по воде. Я лежу на Ма и молчу – мне нравится слушать стук ее сердца. Когда она вдыхает, мы немного поднимаемся, а когда выдыхает – опускаемся.

Сегодня я именинник, поэтому я выбираю, что нам обоим надеть. Мамина одежда живет в верхнем ящике комода, а моя – в нижнем. Я выбираю ее любимые голубые джинсы с красными стежками на швах. Она надевает их только в особых случаях, поскольку у них на коленях завязки. Для себя я выбираю желтую майку с капюшоном, очень осторожно выдвигая ящик из комода, но его правый край все равно выходит, и Ма приходится толчком задвигать его назад. Мы вдвоем с трудом натягиваем на меня майку с капюшоном.

– Может, немного увеличить вырез? – спрашивает Ма.

– Ни в коем случае, Хозе.

Перед тем, занятые физическими упражнениями, мы снимаем носки, потому что босые ноги меньше скользят. Сегодня для начала я выбираю Дорожку. Мы переворачиваем вверх ногами стол и кладем его на кровать, поверх ставим качалку и закрываем все это ковром. Дорожка проходит вокруг кровати от шкафа до лампы, она нарисована на полу в виде черной буквы «С».

– Эй, посмотри, я могу пробежать ее три раза туда и обратно за шестнадцать секунд.

– Ух ты! А когда тебе было четыре, ты пробегал ее за восемнадцать, помнишь? – говорит Ма. – А сколько раз ты можешь сейчас пробежать туда и обратно, как ты думаешь?

– Пять раз.

– А может, пять раз по пять? Это же твой любимый квадрат.

Мы считаем на пальцах, у меня получается двадцать шесть, а у Ма – двадцать пять, поэтому я пересчитываю и тоже получаю двадцать пять. Ма следит за временем по часам.

– Двенадцать, – кричит она. – Семнадцать. Отличный результат.

Я тяжело дышу *ху-ху-ху*.

– Быстрее.

Я бегу еще быстрее – лечу, словно супермен.

Теперь мамина очередь бегать, а я должен записывать в разлинованном блокноте время, когда она начинает бег, и время, когда заканчивает. После этого мы пересчитываем, с какой скоростью она бежала. Сегодня ее время на девять секунд превышает мое, а это означает, что я победил.

– Давай устроим гонки – кто кого обгонит.

– Устроить-то можно, – отвечает Ма, – но помнишь, мы однажды уже бегали и я ударила плечом о комод?

Я иногда забываю какие-то события, но Ма рассказывает мне, и я вспоминаю.

Мы снимаем мебель с кровати и кладем на место ковер – он закрывает Дорожку, и Старый Ник не увидит букву «С», нарисованную на полу.

Ма выбирает трамплин, но на кровати прыгаю я, поскольку Ма может ее сломать. Она комментирует:

– Молодой чемпион США совершает смелый разворот в воздухе...

После этого я предлагаю сыграть в игру «Симон говорит», а потом Ма говорит, что надо снова надеть носки для игры в неподвижное тело. В этой игре нужно лежать неподвижно, как морская звезда, полностью расслабив пальцы ног, пупок, язык и даже мозг. У Ма зачесалось под коленкой, и она пошевелилась, поэтому я снова выиграл.

Сейчас 12:30, время обеда. Моя любимая молитва – о хлебе насущном. Я босс в играх, зато в еде босс – Ма. Она не позволяет мне есть на завтрак, обед и ужин одни подушечки, потому что я могу заболеть, да и подушечки слишком быстро закончатся. Когда мне было ноль и один год, Ма кормила меня только протертой пищей; но теперь у меня уже двадцать зубов, и я могу прожевать все что угодно. Сегодня у нас на обед тунец с крекерами, и я должен открыть крышку консервной банки, потому что у Ма повреждено запястье и она не может этого сделать.

Я сегодня немного возбужден, и Ма предлагает мне сыграть в оркестр. Мы бегаем по комнате и извлекаем из разных предметов звуки. Я барабаню по столу, а Ма делает *тук-тук* на ножках кровати, потом *флумф-флумф* на подушках, а я стучу по двери ножом и вилкой – *динг-динг*, а наши ноги бьют по плите *бам*. Но больше всего я люблю нажимать на педаль мусорного ведра, потому что его крышка открывается со звуком *бинг*. Мой самый лучший инструмент – это *тванг*, сделанный из коробки из-под подушечек, на которую я наклеил вырезанные из старого каталога ноги, туфли, куртки и головы самых разных цветов, а в центре перетянул тремя резинками. Но Старый Ник больше не приносит нам каталогов, чтобы мы заказывали себе одежду; Ма говорит, что он становится все скупее и скупее.

Я забираюсь на качалку, чтобы достать книги с полки, и сооружаю на ковре девятиэтажный небоскреб.

– Что это за небоскреб из девяти этажей! – говорит Ма и смеется, хотя я не вижу в этом ничего смешного.

У нас всего девять книг, из них только четыре – с картинками внутри: «Большая книга детских стихов», «Дилан-землекоп», «Сбежавший кролик» и «Объемный аэропорт». Есть еще пять книг с рисунком на обложке: «Бродяга», «Сумерки», «Охранник», «Горько-сладкая любовь» и «Код да Винчи».

Ма редко читает книжки без картинок, только тогда, когда на нее нападает тоска. Когда мне было четыре, я попросил принести мне в качестве воскресного подарка еще одну книгу с картинками и получил «Алису в Стране чудес». Мне она понравилась, только в ней слишком много слов, и многие из них уже устарели.

Сегодня я выбираю «Дилана-землекопа». Он лежит почти в самом низу, и, когда я его вытаскиваю, небоскреб рушится.

– Опять этот Дилан, – кривится Ма, а потом читает громким голосом:

Во-о-о-от он, Дилан-землекоп!
Роет землю, словно крот.
Коль возьмется яму рыть,
Не умеришь его прыть.
Так орудует лопатой —
Не догонит экскаватор!

На второй картинке изображен кот, а на третьей – тот же самый кот, сидящий на куче обломков. Обломки – это камни, они тяжелее керамики, из которой сделаны ванна, раковина

и унитаза, но не такие гладкие. Коты и камни есть только в телевизоре. На пятой картинке кот падает вниз, но ведь у котов девять жизней, а у нас с Ма – только одна.

Ма почти всегда выбирает «Сбежавшего кролика» из-за того, что под конец мама-кролик ловит сына-кролика, сказав ему:

– Съешь морковку.

Кролики живут в телевизоре, а вот морковки – настоящие, как и их громкий хруст. Моя любимая картинка – это та, где кролик-сын превращается в камень на горе и кролику-маме приходится подниматься на нее, чтобы найти его. Горы слишком высокие, чтобы быть настоящими, я видел одну из них по телевизору, и на ней на веревках висела женщина. Женщины не настоящие, как моя Ма, и девочки с мальчиками – тоже. Мужчины тоже не настоящие, за исключением Старого Ника, но я до сих пор не уверен, настоящий он или нет. Может быть, только наполовину? Он приносит нам продукты, воскресные подарки и выносит мусор, но он не человек, как мы с Ма. Он появляется только ночью, как летучая мышь. Может быть, его создает дверь со звуком *bip-bip* и с изменением воздуха? Я думаю, что Ма не хочет говорить о нем, потому что боится, как бы он не превратился в реального человека.

Я поворачиваюсь у нее на коленях, чтобы посмотреть на мою любимую картину, где младенец Иисус играет с Иоанном Крестителем, который Ему одновременно друг и взрослый двоюродный брат. Богородица тоже здесь, она прижимается к своей матери, которая приходится бабушкой младенцу Иисусу, как *abuela*² Доре. Это странная картина: на ней нет красок и не у всех есть руки и ноги. Ма говорит, что она просто не закончена. Младенец Иисус начал расти в животике Марии после того, как к ней прилетел ангел, похожий на привидение, только с крыльями. Мария очень удивилась и спросила: «Как это может быть?» – а потом сказала: «Ну хорошо, пусть будет так». Когда младенец Иисус на Рождество вылез из ее живота, она положила Его в ясли, но не для того, чтобы Его съели коровы, а только для того, чтобы они согрели Его своим дыханием, поскольку Он был волшебным ребенком.

Наконец Ма выключает лампу, и мы ложимся и произносим сначала молитву пастухов о том, чтобы пастбища всегда были зелеными. Я думаю, что пастбища похожи на пододеяльник, только они пушистые и зеленые, а пододеяльник – белый и гладкий. Я немного пососал, на этот раз правую, поскольку в левой молока было мало. Когда мне было три, в обеих в любое время было много молока, но с тех пор, как мне исполнилось четыре, у меня появилось много занятий, поэтому я сосу лишь несколько раз в день или ночью. Жаль, что я не умею говорить и сосать одновременно, потому что у меня только один рот.

Я почти заснул, но не до конца, а вот Ма действительно уснула – я понял это по ее дыханию.

После сна Ма говорит, что она подумала, что нам не нужно просить сантиметр, мы сами можем сделать линейку.

Мы берем коробку из-под подушечек, на которой изображены древние египетские пирамиды. Ма показывает мне полоску длиной с ее ступню и говорит, чтобы я вырезал такую же. На этой полоске она рисует двенадцать черточек. Я измеряю мамин нос – он длиной два дюйма. Длина моего носа – один дюйм с четвертью, я записываю это число. Ма прикладывает нашу линейку к дверной стене, где отмечен мой рост, и, несколько раз переверачивая ее, определяет, что мой рост – три фута три дюйма³.

– Послушай, – говорю я, – давай измерим комнату.

– Что, всю комнату целиком?

– Так ведь нам все равно нечего делать.

² Бабушка (*исп.*).

³ Фут = 30 см, дюйм = 2,5 см, 3 фута 3 дюйма = 97,5 см.

Она смотрит на меня как-то странно:

– Да, ты прав, совершенно нечего.

Я записываю все наши измерения: например, высота дверной стены до того места, где начинается крыша, равна шести футам семи дюймам.

– Кто бы мог подумать, – говорю я маме, – что длина пробковых плиток, покрывающих стену, чуть больше нашей линейки.

– Эх, – восклицает она, хлопая себя по голове, – ведь площадь этих плиток – один квадратный фут, значит, мы сделали линейку чуть меньше, чем нужно. Получается, что надо просто сосчитать плитки, это будет гораздо быстрее.

Я начал считать количество плиток на стене, у которой стоит кровать, но мама говорит, что все стены одинаковой высоты. Другое правило гласит, что ширина стен такая же, как и ширина пола. Я насчитал одиннадцать футов с обеих сторон, значит, пол у нас – квадратный. Стол – круглый, и я не знаю, что с ним делать. Ма измеряет его посередине, там, где он шире всего. Это составляет три фута девять дюймов. Высота спинки моего стула – три фута два дюйма, и у маминого точно такая же. Стулья на один дюйм ниже меня. Тут Ма говорит, что ей надоели измерения, и мы их прекращаем.

Я закрашиваю места, где написаны цифры, мелкими разного цвета – голубым, оранжевым, зеленым, красным и коричневым. Других у меня нет. В конце концов страница блокнота становится похожей на наш ковер, только выглядит еще более дико, и Ма предлагает использовать ее как подставку для тарелки и чашки во время ужина.

На ужин я выбираю спагетти, к ним полагается еще сырая брокколи, которую выбираю не я, но она очень полезна. Я нарезаю брокколи на кусочки волнистым ножом. Когда Ма на меня не смотрит, я проглатываю кусочек, а она потом спрашивает:

– Ой, куда же девался этот большой кусок? – Но на самом деле она не сердится, потому что свежие овощи вливают в нас новые силы.

Ма разогревает два круга на плите до красноты. Мне не позволено трогать ручки плиты.

Ма всегда следит, чтобы в комнате не вспыхнул огонь, как это бывает в телевизоре. Если кухонное полотенце или наша одежда хотя бы коснется раскаленного круга, все вокруг оранжевым языком охватит пламя и наша комната сгорит, а мы будем кашлять, задыхаться и кричать от невыносимой боли.

Я не люблю запах кипящей брокколи, но он еще не такой противный, как запах зеленой фасоли. Все овощи – это реальные вещи, а вот мороженое бывает только в телевизоре. Как бы мне хотелось, чтобы оно тоже было настоящим!

– А наш цветок тоже свежий?

– Да, только его нельзя есть.

– А почему он больше не цветет?

Ма пожимает плечами и помешивает в кастрюле спагетти.

– Он устал.

– Тогда ему надо лечь спать.

– Но, проснувшись, он все равно будет чувствовать усталость. Может быть, в почве его горшка недостаточно еды для него.

– Тогда давай отдадим ему мою порцию брокколи.

Ма смеется:

– Ему нужна другая еда, специальная подкормка для растений.

– Мы можем попросить, чтобы он принес ее в воскресенье.

– У меня уже накопился целый список того, что нам надо.

– Где?

– У меня в голове, – отвечает Ма. Она вытаскивает из кастрюли спагеттину, похожую на червяка, и пробует ее.

– Я думаю, они любят рыбу.

– Кто?

– Цветы, они любят протухшую рыбу. Или только рыбы кости?

– Фу, какая гадость!

– Может быть, в следующий раз, когда у нас будут рыбные палочки, мы зароем одну из них в землю цветка.

– Только не мою.

– Хорошо, кусочек моей.

Я люблю спагетти больше всего на свете из-за песни фрикаделек; я пою ее, пока мама наполняет наши тарелки.

После ужина происходит совсем неслыханная вещь – мы печем именинный пирог. Клянусь, он будет очень вкусным, да еще со свечами, которых воткнуто столько же, сколько мне лет, и с настоящим огнем, которого я еще ни разу в жизни не видел.

Я лучший протыкальщик яиц, их внутренности у меня вытекают без остановки. Для пирога мне надо вылить в тесто три яйца; я использую для этого кнопку, на которой держится картина «Впечатление: Восход», поскольку думаю, что безумная лошадь разозлится, если я сниму со стены «Гернику», хотя я всегда втыкаю кнопку назад. Ма считает «Гернику» самым лучшим шедевром, потому что она самая реальная, но на самом деле на ней все перемешано. Лошадь кричит, обнажив свои зубы, потому что в нее воткнули копье; еще там есть бык, и женщина, которая держит ребенка вниз головой, и лампа, похожая на глаз, но хуже всего – большая выпуклая нога в углу. Мне всегда кажется, что она собирается раздавить меня.

Я облизываю ложку, и Ма засовывает пирог в горячий живот плиты. Я пытаюсь жонглировать яичными скорлупками. Ма ловит одну из них.

– Сделаем Джека с разными лицами?

– Нет, – отвечаю я.

– Тогда, может, сделаем гнезда для теста? А завтра разморозим свеклу и покрасим их в красный цвет...

Я качаю головой:

– Лучше добавим их к яичной змее.

Яичная змея длиннее всей нашей комнаты. Мы начали делать ее, когда мне было три; она живет под кроватью, свернутая в кольца, чтобы ей не вздумалось нас укусить. Большинство скорлупок коричневого цвета, но иногда попадаются и белые. На некоторых из них мы нарисовали узоры карандашами, мелками или ручкой, а к некоторым клейстером прилепили кусочки скорлупы. У змеи есть корона, сделанная из фольги, желтый пояс из ленты и волосы из ниток и кусочков ваты. Вместо языка у нее иглолка, от нее через все тело змеи тянется красная нить. Мы больше уже не удлинняем яичную змею, потому что иногда ее кольца цепляются друг за друга и трескаются и далее распадаются, и нам приходится использовать их для мозаики. Я вставляю иглолку в дырочку одной из скорлупок – мне надо попасть этой иглой в дырку на противоположной стороне, а это не так уж и просто. Теперь змея стала на три яйца длиннее, и я очень осторожно сматываю ее кольцами, чтобы она уместилась под кроватью.

Вдыхая чудные запахи, мы целую вечность ждем, когда испечется пирог. Когда пирог остывает, мы делаем для него снег, только не холодный, как настоящий, а в виде сахара, растворенного в воде. Ма обмазывает им пирог со всех сторон.

– Теперь я помою посуду, а ты укрась его шоколадом.

– Но ведь у нас нет шоколада.

– А вот и есть, – говорит она, вытаскивая маленький пакетик и встряхивая его *шшк-шшк*. – Я отложила его из воскресного подарка три недели назад.

– Какая ты молодец, Ма. А где он лежал?

Она крепко сжимает рот.

– А вдруг мне снова понадобится место, где надо будет что-нибудь спрятать?

– Скажи! – кричу я.

Ма больше не улыбается.

– Не кричи, у меня от крика болят уши!

– Скажи мне, где ты прятала шоколад.

– Послушай, Джек...

– Мне не нравится, что у нас есть места, где могут спрятаться...

– Кто?

– Зомби.

– А.

– Или людоеды и вампиры...

Она открывает шкаф и, вытащив коробку с рисом, показывает мне темную дыру:

– Я спрятала шоколад здесь, вместе с рисом. Понял?

– Понял.

– Ничего страшного здесь нет. Можешь проверить сам в любое время.

В пакете пять шоколадок – розовая, голубая, зеленая и две красные. Когда я кладу их на пирог, краска и «снег» пачкают мои пальцы, и я тщательно их облизываю.

Пришло время ставить свечи, но их нет.

– Ты снова кричишь, – говорит Ма, закрывая руками уши.

– Но ты сказала, что будет именинный пирог, а что это за именинный пирог, если на нем нет пяти зажженных свечей!

Ма с шумом вздыхает:

– Я неправильно выразилась. У нас с тобой пять шоколадок, и они говорят, что тебе пять лет.

– Я не хочу есть этот пирог.

Я ненавижу, когда Ма молча ждет.

– Он противный.

– Успокойся, Джек.

– Надо было попросить свечей в качестве воскресного подарка.

– Ну, на прошлой неделе нам были нужны обезболивающие таблетки.

– Мне они не нужны, это только тебе! – кричу я.

Ма смотрит на меня так, будто у меня появилось новое лицо, которое она видит в первый раз. Потом она говорит:

– И все-таки не забывай, что нам приходится выбирать те вещи, которые ему легче всего достать.

– Нет, он может достать все, что угодно.

– Да, – отвечает Ма. – Но если ему пришлось побегать...

– Почему это ему пришлось побегать?

– Я имею в виду – если ему пришлось зайти в два или три магазина, он мог на нас рассердиться. А если ему вообще не удастся достать то, о чем мы попросили, тогда он, возможно, не принесет нам в следующее воскресенье никакого подарка.

– Но, Ма, – смеюсь я, – он не ходит по магазинам. Ведь магазины бывают только в телевизоре.

Она жует свою губу, а потом смотрит на пирог.

– И все-таки, прости меня, я думала, что шоколадки заменят свечи.

– Глупая Ма.

– Бестолковая. – Она бьет себя по голове.

– Тупая, – говорю я ласково. – На следующей неделе, когда мне будет шесть, постарайся все-таки достать свечи.

– На будущий год, – поправляет меня Ма. – Ты хотел сказать – на будущий год. – Ее глаза закрыты. Они у нее иногда закрываются, и она целую минуту молчит. Когда я был маленьким, то думал, что у нее села батарейка, как однажды в часах, и надо будет попросить, чтобы он в воскресенье подарил нам новую.

– Обещаешь?

– Обещаю, – говорит Ма, открывая глаза.

Она отрезает мне огромассный кусок пирога, а я, когда она отворачивается, сгребаю на него все пять шоколадок – две красные, розовую, зеленую и голубую.

Ма говорит:

– Ой, еще одна пропала, как же это случилось?

– Теперь ты уже не узнаешь, ха-ха-ха, – отвечаю я таким голосом, каким говорит Воришка, когда крадет что-нибудь у Доры.

Я беру одну из красных шоколадок и кладу Ма в рот; она передвигает ее к передним зубам, которые не такие гнилые, и, улыбаясь, жует.

– Смотри, – говорю я ей. – В моем пироге остались вмятины там, где до этого были шоколадки.

– Они похожи на маленькие кратеры, – говорит Ма и засовывает свой палец в одну из вмятин.

– А что такое кратеры?

– Это дырки, в которых что-то произошло, например извержение вулкана, взрыв или еще что.

Я кладу зеленую шоколадку назад в кратер и считаю:

– Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один – бум!

Шоколадка взлетает в открытый космос и попадает мне в рот. Мой именинный пирог – лучшее, что я когда-либо ел.

Ма больше не хочется пирога. Окно в крыше высасывает весь свет и становится почти черным.

– Сегодня день весеннего равноденствия, – говорит она. – Я помню, что в то утро, когда ты родился, его так называли по телевизору. В тот год в марте тоже еще лежал снег.

– А что такое равноденствие?

– Это слово означает «равный». В этот день количество темноты равно количеству света.

Из-за пирога смотреть телевизор уже поздно, часы показывают 8:33. Мой желтый капюшон чуть было не отрывает мне голову, когда Ма стаскивает с меня майку. Я надеваю свою лучшую футболку и чищу зубы, а Ма завязывает мешок с мусором и ставит его у двери, положив поверх список, который я написал. Сегодня там указано: «Пожалуйста, принеси нам пасту, чечевицу, консервы из тунца, сыр (если не слишком много \$). С. Дж. Спасибо».

– А можно попросить винограда? Он ведь очень полезный.

И Ма в конце списка дописывает: «Виноград, если возм. (или любые свежие или консервированные фрукты)».

– Расскажи мне какую-нибудь историю.

– Только короткую. Хочешь... сказку про Пряничного Джека?

Она и вправду рассказывает ее быстро и смешно. Пряничный Джек выскакивает из печи, катится, катится, и никто не может его поймать: ни старушка, ни старик, ни крестьяне, которые молотят зерно, ни пахари, – но в конце концов он по глупости своей позволяет лисе взять себя в рот, чтобы переправиться через реку, и она тут же его съедает.

Если бы я был сделан из теста, я бы сам себя съел, чтобы никому не досталось.

Мы быстро-быстро читаем молитву, сложив руки и закрыв глаза. Я молюсь, чтобы Иоанн Креститель и младенец Иисус пришли поиграть с Дорой и Бутс. Ма молится, чтобы солнечное тепло растопило снег, облепивший наше окно на крыше.

– Я могу немного попить?

– Сразу же, как только проснешься утром, – говорит Ма, натягивая свою футболку.

– Нет, я хочу сегодня.

Она кивает на часы, которые показывают 8:57; осталось всего три минуты до девяти. Поэтому я залезаю в шкаф, и ложусь на подушку, и закутываюсь в одеяло, серое и пушистое, с красным кантом. Прямо надо мной висит рисунок меня, о котором я уже успел позабыть. Ма заглядывает в шкаф.

– Три поцелуя?

– Нет, пять для мистера Пятилетнего.

Она пять раз целует меня и со скрипом закрывает дверцы.

Но в щели пробивается свет, и я могу видеть кое-что на рисунке – черты, похожие на мамини, и нос, который похож только на мой собственный. Я трогаю бумагу – она шелковистая на ощупь. Я вытягиваюсь так, что моя голова и ноги упираются в стенки шкафа. Я слушаю, как Ма надевает свою ночную футболку и принимает таблетку, убивающую боль. Она всегда пьет две таблетки на ночь, поскольку, как она говорит, боль похожа на воду – она разливается, как только Ма ложится в постель. Ма выплевывает зубную пасту.

– Наш друг и приятель Баз чешет свой левый глаз, – начинает Ма.

Я придумываю свой стих:

– Наш друг и приятель За говорит «бла-бла-бла».

– Наш друг Мурзилка живет в морозилке.

– Наша подруга Нола пошла в школу.

– Неудачная рифма, – говорит мама.

– О боже! – рычу я совсем как Воришка.

– Наш друг младенец Иисус... попробовал сыр на вкус.

– Наш друг, несясь на коне, пропел свою песню луне.

Луна – это серебряное лицо Бога, которое появляется только в редких случаях.

Я сажусь и прижимаюсь лицом к щелке. Я вижу кусочек выключенного телевизора, туалет, ванную, свой покоробившийся рисунок голубого осьминога и Ма, которая убирает нашу одежду в ящики комода.

– Ма?

– Да?

– А почему ты прячешь меня, как шоколадки?

Я думаю, она сидит на кровати. Она говорит так тихо, что я ее почти не слышу.

– Я просто не хочу, чтобы он тебя видел. Когда ты был еще младенцем, я всегда перед его приходом заворачивала тебя в одеяло.

– А что, мне будет больно?

– Из-за чего?

– Из-за того, что он меня увидит?

– Нет-нет. Спи давай, – говорит мне Ма.

– Скажи про клопа.

– Ночь, скорее засыпай, клоп, малютку не кусай.

Клопы такие маленькие, что их нельзя увидеть, но я разговариваю с ними и иногда считаю. В прошлый раз я добрался до трехсот сорока семи. Я слышу звук выключателя, и одновременно с ним гаснет свет. Судя по звукам, Ма забирается под одеяло.

В отдельные ночи я видел Старого Ника в щелку, но никогда всего целиком и вблизи. У него много белых волос, которые доходят только до ушей. Быть может, его взгляд способен превратить меня в камень. Зомби кусают детей, чтобы оживить их, вампиры сосут из них кровь, пока они не умирают, людоеды подвешивают их за ноги и съедают. Великаны тоже очень противные: «живой он или мертвый, я из его костей наделаю мучицы и хлеба для гостей». Но

Джеку все-таки удалось удрать от него с золотой курицей – он быстро-быстро спускался по бобовому стеблю. Великан спускался за ними, но Джек закричал, чтобы мама принесла ему топор, что-то вроде ножа, только гораздо крупнее. Мама Джека побоялась сама срубить стель, так что, когда Джек оказался на земле, они срубили его вместе, и великан разбился, и все его внутренности вывалились наружу, ха-ха-ха. И тогда Джек стал Джеком – Победителем великанов.

Интересно, уснула ли Ма?

В шкафу я всегда покрепче закрываю глаза, чтобы побыстрее уснуть и не слышать, как придет Старый Ник. Тогда, когда я проснусь, уже наступит утро, и я заберусь к Ма в постель и пососу молока и все будет в порядке. Но сегодня я никак не могу уснуть – у меня в животе бурчит пирог. Я считаю языком свои верхние зубы справа налево до десяти, потом нижние – слева направо, потом опять справа налево. Каждый раз у меня получается десять, а дважды десять равно двадцати – вот сколько у меня зубов.

Звук *бин-бин* все не слышно, а ведь уже давно десятый час. Я снова считаю свои зубы и получаю девятнадцать, – наверное, я неправильно сосчитал или один из зубов выпал. Я легонько кусаю себя за палец, потом еще раз. Я жду долгие часы.

– Ма, – шепчу я, – так он придет или нет?

– Похоже, что нет. Иди ко мне.

Я вскакиваю и распахиваю дверцы шкафа. Не проходит и двух секунд, как я уже в кровати. Под одеялом очень жарко, и я высовываю из-под него ноги, чтобы они не сгорели. Я напиваюсь до отвала из левой, а потом из правой груди. Я не хочу засыпать, потому что завтра уже не будет дня рождения.

Неожиданно мне в лицо бьет свет. Жмурясь, я выглядываю из-под одеяла. Ма стоит рядом с лампой, в комнате светло, потом вдруг, *щелк*, и снова становится темно. Опять свет, через три секунды – тьма, потом свет, который горит всего секунду. Ма смотрит в окно на крыше. Опять наступает темнота. Она иногда делает это в ночи, я думаю, это помогает ей снова заснуть.

Я жду, когда Ма окончательно выключит лампу. Тогда я шепчу в темноте:

– Все сделала?

– Извини, что разбудила тебя, – отвечает она.

– Ничего.

Она ложится в постель, замерзшая, и я обнимаю ее рукой посередине.

Сегодня мне пять лет и один день.

Глупый пенис всегда встает по утрам, я опускаю его вниз.

Когда мы, пописав, моем руки, я пою «Весь мир у него в руках». Другой песни о руках я вспомнить не могу, а в песне о птичках поется только о пальцах.

Улетай, Петр,

Улетай, Пол.

Два моих пальца летают по комнате и чуть было не сталкиваются в воздухе.

Возвращайся, Петр,

Возвращайся, Пол.

– Я думаю, что это песня об ангелах, – говорит Ма.

– Да?

– Ой нет, о святых, прости меня.

– А кто такие святые?

– Очень праведные люди. Вроде ангелов, но без крыльев.

Я смущен.

– Как же они тогда взлетают со стены?

– Это песня о птичках, они умеют летать. Я хочу сказать, что их называли в честь святого Петра и святого Павла, которые были друзьями младенца Христа.

А я и не знал, что у него, кроме Иоанна Крестителя, были еще другие друзья.

– Святой Петр однажды сидел в тюрьме...

Я смеюсь.

– Детей не сажают в тюрьму.

– Это случилось, когда он и все остальные уже выросли.

А я и не знал, что младенец Иисус был взрослым.

– Святой Петр был плохим?

– Нет-нет, его посадили в тюрьму по ошибке, я хочу сказать – его отправили туда плохие полицейские. Тем не менее он все время молился, чтобы его освободили, и знаешь что? С небес спустился ангел и разбил дверь тюрьмы.

– Круто, – говорю я. Но мне больше нравится думать о них как о младенцах, бегающих голышом.

Тут что-то весело барабанит по стеклу, и я слышу *скрип-скрип*. В окне на крыше светлеет, и темного снега почти не видно. Ма тоже смотрит вверх и улыбается. Я думаю, Бог услышал ее молитву.

– А сегодня снова свет и тьма равны?

– Ты спрашиваешь о равенстве? – говорит Ма. – Нет, теперь уже свет будет потихоньку побеждать тьму.

Она разрешает мне позавтракать пирогом, чего раньше никогда не было. Он немного подсох, но все равно вкусный.

По телевизору показывают передачу «Удивительные домашние животные», но изображение совсем нечеткое. Ма не переставая двигает кроликом, но и это не помогает. Я беру пурпурную ленточку и завязываю бантик на его проволочном ухе. Я хотел бы посмотреть «Жителей заднего двора», я не видел этой передачи уже целую вечность. Воскресного подарка мы еще не получили, потому что Старый Ник вчера вечером не приходил, и я считаю это самым лучшим подарком ко дню рождения. Мы попросили совсем неинтересные вещи – новые штаны, поскольку у моих черных брюк на коленях образовались большие дырки. Мне эти дырки совершенно не мешают, но Ма говорит, что в них я похож на бездомного, но объяснить, что это такое, не может.

После ванной я играю с одеждой. Сегодня утром мамина розовая юбка превращается в змею, которая спорит с моим белым носком.

– Лучший друг Джека – это я.

– Нет, я.

– Я тебя укушу.

– А я цапну.

– А я превращу тебя в порошок с помощью моего летающего огнестрельного насоса.

– Ха, а у меня есть реактивный мегатронный трансформер-бомбомет...

– Эй, – говорит Ма, – может, сыграем в мяч?

– Но ведь у нас больше нет пляжного мяча, – напоминаю я ей. Он лопнул, когда я нечаянно слишком сильно ударил его ногой и он стукнулся о дверь кладовки. Лучше бы вместо глупых штанов мы попросили новый мяч.

Но Ма говорит, что мы можем сами сделать себе мяч. Мы собираем листы бумаги, на которых я учусь писать, заталкиваем их в сумку для покупок и мнем ее до тех пор, пока бумага не принимает форму шара, после чего мы рисуем на мяче страшное лицо с тремя глазами. Бумажный мяч летает не так высоко, как пляжный, но всякий раз, когда мы его ловим, он издает звук *скранч*. Ма ловит мяч лучше меня, хотя у нее иногда возникает боль в поврежденном запястье, зато я лучше ее бросаю.

Из-за того что мы позавтракали пирогом, мы едим воскресные оладьи на обед. Муки осталось совсем немного, и они получаются тонкими и расплзаются на сковороде, но мне такие больше нравятся. Я складываю их пополам, и некоторые трескаются. Желе осталось тоже совсем чуть-чуть, поэтому мы его разбавляем водой.

Кусочек оладушка падает у меня на пол, и Ма вытирает пол губкой.

– Пробка уже совсем стерлась, – говорит она сквозь зубы, – как же нам теперь поддерживать чистоту?

– Где?

– Вот здесь, где стоят наши ноги.

Я забираюсь под стол и вижу дырку в полу, на дне которой какое-то коричневое вещество, очень твердое, его не поцарапать ногтем.

– Не скреби там, Джек.

– Я не скребу, а просто пробую пальцем. – Дырка похожа на крошечный кратер.

Мы сдвигаем стол к ванной и укладываемся на ковер позагорать. Ковер лежит прямо под окном на крыше и днем нагревается. Я пою «Солнце не светит», Ма поет «Вот и солнышко вышло», я подхватываю «Ты мое солнце». Потом я сосу, в левой груди сегодня очень жирное молоко.

Когда я закрываю глаза, желтое лицо Бога, просвечивающее через мои веки, становится красным. Я открываю глаза и жмурюсь от яркого света. Мои пальцы отбрасывают на ковер тени, их очертания слегка размыты.

Ма дремлет рядом.

Вдруг я слышу какой-то звук и, стараясь не разбудить ее, тихонько встаю. У плиты кто-то скребется.

Живая вещь, зверек, совсем настоящий, а не из телевизора. Он на полу, ест что-то, может быть кусочек оладушка. У него есть хвост, и я догадываюсь, что это мышонок.

Я подхожу ближе, но малыш юркает под плиту – я и не знал, что можно так быстро бегать.

– Эй, мышонок, – шепчу я, боясь напугать его.

С мышами надо разговаривать тихо, об этом я узнал из книги об Алисе, только она по ошибке зовет свою кошку Дину. А мышь пугается и убегает. Я складываю руки в молитвенном жесте:

– Эй, мышонок, вернись, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я жду долгие часы, но он не возвращается.

Ма, несомненно, спит.

Я открываю холодильник, но там почти ничего нет. Мыши любят сыр, но у нас его не осталось. Я достаю хлеб и, раскрошив кусочек на тарелке, ставлю ее у плиты. Скрючившись, я становлюсь перед ней на колени и снова жду.

И тут происходит чудо – мышонок высовывает свой нос, он у него остренький. Я чуть было не подскакиваю от радости, но вовремя спохватываюсь и сижу неподвижно. Он подходит к крошкам и обнюхивает их. Я стою примерно в двух футах от него, жаль, что линейка осталась в коробке под кроватью, я бы измерил поточнее. Но я понимаю, что двигаться нельзя, а то мышонок снова убежит. Я осматриваю его лапки, усы, загнутый хвостик. Он совсем насто-

ящий, это самое большое животное, которое я когда-либо видел. Он в миллионы раз больше муравья или паука.

Вдруг что-то падает на плиту – *шлёп*. Я вскрикиваю и нечаянно наступаю на тарелку. Мышонка нет. Куда же он подевался? Может, упавшая книга раздавила его? Это «Объемный аэропорт», я просматриваю все страницы, но его нет. Зал багажа весь изорвался и больше уже не выступает над страницей.

Ма как-то странно смотрит на меня.

– Это ты его прогнала! – кричу я.

Она достает совок и сметает на него обломки тарелки.

– Как она оказалась на полу? Теперь у нас осталось всего две большие тарелки и одна маленькая...

Повар в «Алисе в Стране чудес» бросает в малыша тарелки и кастрюлю, которая чуть было не отбивает ему нос.

– Мышонку понравились крошки.

– Джек!

– Он настоящий, я его видел.

Ма отодвигает плиту, и мы обнаруживаем маленькую щель в дверной стене. Ма достает рулон алюминиевой фольги и начинает засовывать скатанные из нее шарики в эту щель.

– Не надо. Прошу тебя.

– Извини, но если заведется одна мышь, то скоро их будет уже целый десяток.

Что за чушь она несет?

Ма кладет фольгу и крепко хватает меня за плечи.

– Если мы оставим эту мышь, то скоро повсюду будут бегать ее дети. Они будут воровать нашу еду и разносить микробы на своих грязных лапках...

– Пусть едят мою пищу, я не голоден.

Но Ма не слушает меня. Она придвигает плиту к дверной стене.

Потом мы заклеиваем лентой «ангар» в книге «Объемный аэропорт», и он снова начинает выступать над страницей, но «зал багажа» починить уже нельзя – он весь разорван.

Мы сидим в кресле-качалке, и Ма, чтобы загладить свою вину, три раза читает мне «Дилана-землекопа».

– Давай попросим новую книгу в воскресенье, – предлагаю я.

Она кривит рот:

– Я уже просила три недели назад; я хотела подарить тебе книгу на день рождения. Но он сказал, чтобы мы отстали от него – у нас и так уже целая полка книг.

Я гляжу поверх ее головы на полку – на ней может уместиться в сто раз больше книг, если снять с нее другие вещи и положить под кровать рядом с яичной змеей. Или на шкаф... но на шкафу уже живут замок и лабиринт. Нелегко запомнить, где хранится та или иная вещь; Ма иногда говорит, что ненужные предметы надо выбрасывать, но я обычно нахожу для них местечко.

– Он думает, что мы должны все время смотреть телевизор.

Это звучит смешно.

– Если мы будем это делать, то останемся без мозгов, как он сам, – говорит Ма.

Она наклоняется, чтобы взять «Мою большую книгу детских стихов». Она читает мне по одному стихотворению с каждой страницы, которое я выбираю. Больше всего я люблю стихи о Джеке, вроде «Малыша Джека» или «Уголка маленького Джека».

Джек наш ловок,
Джек наш храбр,
Прыгнул через канделябр.

Я думаю, он захотел посмотреть, загорится ли его рубашонка или нет. В телевизоре мальчики всегда ложатся спать в пижамах, а девочки – в ночнушках. Моя ночная футболка самая большая из всех. У нее на плече дырка, в которую я люблю засовывать палец и щекотать себя, засыпая. В книге есть еще стишок «Пудинг и пирог Джека-Уэка», но когда я научился читать, то увидел, что в нем на самом деле говорится о Джорджи-Порджи. Это Ма слегка изменила слова, но это не вранье, а просто притворство. То же самое случилось и вот с таким стихом:

Джеки-Джек, сын трубача,
Украл свинью, дал стрекача.

В книге это сделал Том, но Джек звучит лучше. Украсть – это когда мальчик берет какую-нибудь вещь, принадлежащую другому мальчику. В книгах и телевизоре у всех людей есть вещи, которые принадлежат только им, – все это очень сложно.

Уже 5:39, поэтому мы идем ужинать. Пока лапша размокает в горячей воде, Ма находит трудные слова на пакете с молоком и проверяет меня. «Питательное» означает еду, а «пастеризованное» – что молоко просветили лазерным лучом, чтобы убить микробов. Я хочу еще пирога, но Ма говорит, что сначала надо съесть сочный свекольный салат. Потом я ем пирог, который уже почти совсем засох.

Я забираюсь на качалку, чтобы снять коробку с играми с книжной полки. Сегодня я выбираю шашки и буду играть красными. Шашки похожи на маленькие шоколадки, но я много раз лизал их и обнаружил, что у них нет никакого вкуса. Они прилипают к доске с помощью волшебного магнита. Ма больше любит шахматы, но у меня от них болит голова.

Когда приходит время смотреть телевизор, она выбирает планету диких животных, где показывают, как черепахи зарывают в песок свои яйца. Из скорлупы вылезают маленькие черепашки, но мама-черепаха уже ушла, это очень странно. Интересно, встретятся ли они когда-нибудь в море, мама и ее детки, и узнают ли друг друга или просто будут плавать рядом?

Передача о диких животных заканчивается слишком быстро, и я переключаюсь на другой канал. Здесь двое мужчин в одних трусах и теннисных туфлях бешено мутузят друг друга.

– Эй, вы, драться нельзя, – кричу я им. – Младенец Иисус на вас рассердится.

Но тут мужчина в желтых трусах заезжает волосатому прямо в глаз.

Ма стонет, как будто он ударил ее.

– Мы что, так и будем это смотреть?

Я говорю ей:

– Через минуту приедет полиция со своей этой *виий-а, виий-а, виий-а* и отведет этих плохих парней в тюрьму.

– Но ведь это же бокс... грубый, но все-таки спорт, и боксерам разрешают драться, если они надевают специальные перчатки. Все, время закончилось.

– Давай поиграем в попугая, для пополнения моего словарного запаса.

– Хорошо.

Ма подходит и переключает телевизор на планету красной кареты, где женщина со взбитыми волосами, играющая роль босса, задает людям вопросы, а сотни других людей хлопают в ладоши. Я напряженно вслушиваюсь, как женщина разговаривает с одноногим мужчиной; я думаю, он потерял ногу на войне.

– Попугай! – кричит Ма и выключает звук.

– «Я думаю, наиболее мучительным аспектом для всех наших зрителей является то, что вам пришлось пережить, – это как раз больше всего трогает...» – повторяю я слова ведущей.

– У тебя хорошее произношение, – говорит Ма и поясняет: – «Мучительный» значит грустный.

– Давай еще раз.

– То же самое шоу?

– Нет, другое.

Она включает новости, понять которые еще труднее.

– Попугай! – Она снова выключает звук.

– «А со всеми этими дебатами о лейблах, которые следуют сразу же за реформой здравоохранения, не забывая, конечно, о середине срока...»

– Больше ничего не запомнил? – спрашивает Ма. – Тем не менее ты хорошо справился. Только там было не слово «лейблы», а «трудовое законодательство».

– Какая разница?

– Лейбл – это этикетка на помидорах, а трудовое законодательство...

Я громко зеваю.

– Ну, это не важно. – Ма улыбается и выключает телевизор.

Я ненавижу, когда картинка исчезает и экран снова становится серым. В эту минуту мне всегда хочется плакать. Я забираюсь на мамины колени. Она сидит в кресле-качалке, и наши ноги переплетаются. Ма – колдунья, превратившаяся в огромное головоногое, а я – принц Джекер-Джек, который в конце концов убегает от нее. Мы щекочем друг друга, потом Ма подбрасывает меня на ногу, а под конец мы изображаем острые тени на стене, у которой стоит кровать.

После этого я предлагаю поиграть в кролика Джекер-Джека, который всегда ловко обманывает братца Лиса. Он ложится на дорогу, делая вид, что умер, а братец Лис обнюхивает его и говорит:

– Не буду я тащить его домой, он слишком дурно пахнет... – Ма обнюхивает меня с ног до головы, строя уморительные гримасы, а я изо всех сил сдерживаю смех, чтобы братец Лис не догадался, что я живой. Но мне никогда не удается этого сделать – в конце концов я заливаюсь смехом.

Я прошу маму спеть смешную песенку, и она начинает:

– Червяк вползает, выползает...

– Тебя он смело поедает, – продолжаю я.

– Он ест твой нос, он ест твой глаз. И на ногах меж пальцев – грязь.

Потом, лежа на кровати, я принимаюсь сосать, но мой рот скоро засыпает. Ма относит меня в шкаф и укутывает по шею в одеяло, но я высвобождаюсь из него. Мои пальцы отстукивают ритм по красному концу одеяла. В эту минуту раздается *бин-бин* — это дверь. Ма подскакивает и ойкает, – наверное, она ударилась головой. Она плотно закрывает дверцы шкафа.

В комнату врывается холодный воздух, я думаю, что это воздух из открытого космоса и пахнет он замечательно. Дверь издает звук *бамп*, значит, Старый Ник уже вошел. Сон с меня как рукой снимает. Я встаю на колени и смотрю в щелочку, но вижу только комод, ванну и еще круглый краешек стола.

– Похоже, что-то вкусное, – раздается низкий голос Старого Ника.

– А, это остатки праздничного пирога, – отвечает Ма.

– Надо было напомнить мне, я бы подарил ему что-нибудь. Сколько ему уже, четыре?

Я жду, когда Ма поправит его, но она молчит.

– Пять, – шепчу я. Но она, должно быть, все-таки услышала мой шепот, потому что подходит к шкафу и сердитым голосом произносит:

– Джек!

Старый Ник смеется – а я и не думал, что он умеет смеяться.

– Смотри-ка, оно умеет говорить!

Почему он сказал «оно», а не «он»?

– Хочешь выйти из шкафа и померить свои новые джинсы?

Он говорит это не Ма, а мне. В моей груди стучит *данг-данг-данг*.

– Он уже почти уснул, – говорит Ма.

Но я не сплю. Жаль, что я прошептал слово «пять» и он меня услышал. Надо было мне сидеть тихо.

Они о чем-то разговаривают.

– Ну хорошо, хорошо, – звучит голос Старого Ника, – можно я отрежу кусочек?

– Он уже засох. Если ты хочешь...

– Нет-нет, я ничего не хочу, командуешь тут ты.

Ма ничего не отвечает.

– Я здесь всего лишь рассыльный, выношу мусор, хожу по магазинам детской одежды, забираюсь по лестнице, чтобы убрать с окна снег, всегда к вашим услугам, мадам...

Я думаю, он сказал это с сарказмом. Сарказм – это когда тон не совпадает со словами, которые произносит человек.

– И на том спасибо. – Голос у Ма какой-то чужой. – После этого стало светлее.

– Обидеть человека не трудно.

– Прости. Большое спасибо.

– Так больно бывает, когда рвут зуб, – говорит Старый Ник.

– Спасибо за продукты и джинсы.

– Не стоит благодарности.

– Вот тебе тарелка; может, в середине он не такой сухой.

Я слышу, как что-то звякает, – наверное, она угощает его пирогом. Моим пирогом.

Минуту спустя он говорит каким-то смазанным голосом:

– Да, совсем зачерствел.

Рот у него набит моим пирогом.

Лампа с громким щелчком выключается, и я подпрыгиваю от неожиданности. Я не боюсь темноты, но не люблю, когда она наступает внезапно. Я ложусь под одеяло и жду.

Когда под Старым Ником начинает скрипеть кровать, я принимаюсь считать эти скрипы пятерками, по моим пальцам. Сегодня их двести семнадцать. Я считаю до тех пор, пока он не вздыхает и кровать не перестает скрипеть. Я не знаю, что произойдет, если я не буду считать, но я всегда считаю.

А что происходит в те ночи, когда я сплю? Не знаю; может быть, Ма считает вместо меня. После двухсот семнадцати скрипов все затихает.

Я слышу, как включается телевизор, они слушают новости, в щелку я вижу танки, но это совсем неинтересно. Я засовываю голову под одеяло. Ма и Старый Ник разговаривают, но я уже не слушаю.

Я просыпаюсь в кровати. На улице идет дождь – я догадываюсь об этом потому, что окно на крыше затуманилось. Ма дает мне пососать и тихонько поет «Я пою во время дождя».

Молоко в правой груди сегодня совсем невкусное. Я сажусь на кровати, вспомнив вчерашний разговор.

– Почему ты не сказала ему заранее, что у меня день рождения?

Ма перестает улыбаться.

– Я думала, ты уже спал, когда он пришел.

– Если бы ты сказала ему, он принес бы мне подарок.

– Как же, принес бы, – произносит она, – он всегда только обещает.

– А что бы он принес? – Я жду ее ответа. – Надо было напомнить ему.

Ма вытягивает руки над головой.

– Я не хочу, чтобы он тебе что-нибудь приносил.

– Но воскресные подарки...

– Это совсем другое, Джек. Я прошу у него только то, что нам нужно для жизни. – Она показывает на комод, там лежит что-то голубое. – Кстати, вот твои новые джинсы.

Она уходит пописать.

– Ты могла бы попросить, чтобы он сделал мне подарок. Я никогда еще не получал подарков.

– Но ведь я сделала тебе подарок, разве ты забыл? Твой портрет.

– Мне не нужен этот дурацкий портрет, – плачу я.

Ма вытирает руки, подходит ко мне и обнимает:

– Ну, успокойся.

– Он мог бы...

– Я тебя не слышу. Вдохни поглубже.

– Он мог бы...

– Объясни мне, в чем дело.

– Он мог бы принести мне щенка.

– Что?

Я не могу остановиться и говорю сквозь слезы:

– В подарок. Он мог бы принести мне настоящего щенка, и мы назвали бы его Счастливчик.

Ма вытирает мне глаза тыльной стороной ладоней.

– Ты же знаешь, у нас нет места для собаки.

– Нет, есть.

– Со щенком нужно гулять.

– Мы гуляем.

– Но щенок...

– Мы много бегаем по Дорожке, и Счастливчик мог бы бегать с нами. Я уверен, что он бегаёт быстрее тебя.

– Джек. Щенок свел бы нас с ума.

– Нет.

– А я говорю, свел бы. Запертый в комнате, он бы постоянно лаял, скребся...

– Счастливчик не стал бы скрестись.

Ма закатывает глаза. Она подходит к кладовке, достает подушечки и высыпает их в миску, не считая. Я изображаю рычащего льва.

– Ночью, когда ты уснешь, я встану, вытащу фольгу из дыр и выпущу оттуда мышонка.

– Какой ты глупый.

– Это не я глупый, это ты глупая тупица.

– Послушай, я понимаю...

– Мышонок и Счастливчик – мои друзья. – Я снова начинаю плакать.

– Нет никакого Счастливчика, – произносит Ма сквозь зубы.

– Нет, есть, и я его люблю.

– Ты его просто выдумал.

– Зато есть мышонок, он – мой настоящий друг, а ты его прогнала...

– Да, – орет Ма, – чтобы он ночью не бегал по твоему лицу и не кусал тебя!

Я плачу так сильно, что дыхание у меня сбивается. Я и не знал, что мышь может укусить меня в лицо, я думал, что это делают только вампиры.

Ма падает на одеяло и лежит неподвижно. Через минуту я подхожу к ней и ложусь рядом. Я поднимаю ее футболку и начинаю сосать, но мне приходится прерваться, чтобы вытереть пот. Молоко в левой груди вкусное, но его мало.

Потом я примеряю джинсы, но они все время падают. Ма вытаскивает из них нитку.

– Не надо.

– Они и так тебе велики. Дешевое... – Но она не говорит что.

– Это – деним, – сообщаю я ей, – из него делают джинсы. – Я кладу нитку в кладовку в коробочку, где хранятся разные вещи для починки.

Ма достает швейный набор и ушивает джинсы в пояс, после чего они уже не сваливаются.

Мы проводим все утро в делах. Сначала мы переделываем пиратский корабль, изготовленный на прошлой неделе, в танк. Водителем служит воздушный шар; когда-то он был таким же большим, как и мамина голова, и к тому же розовым и круглым, а теперь он стал размером с мой кулак, красным и сморщенным. Мы надуваем шар первого числа каждого месяца, поэтому до начала апреля не можем подарить нашему шарiku братца. Ма играет с танком, но не долго. Ей очень быстро надоедает играть – это потому, что она взрослая.

Понедельник – день стирки; мы кидаем в ванну носки, белье, мои серые штаны, измазанные кетчупом, рубашки и кухонные полотенца и смываем с них грязь. Ма включает обогреватель, чтобы высушить белье, достает Одежного коня из-за двери и раскладывает его, а я велю ему стоять крепко и не падать. Мне хотелось бы покататься на нем, как я делал, когда был еще малышом, но теперь я тяжелый и могу сломать ему спину. Было бы круто, если бы я мог по своему желанию уменьшаться, а потом становиться великаном, как Алиса. После стирки мы выжимаем белье и развешиваем его. В комнате жарко, мы с Ма стаскиваем с себя футболки и по очереди суем голову в холодильник, чтобы охладиться.

На обед у нас салат из фасоли, который я тоже терпеть не могу. После дневного сна мы каждый день кричим, кроме субботы и воскресенья. Мы прочищаем себе глотки и взбираемся на стол, чтобы быть поближе к окну. Мы держимся за руки, чтобы не упасть.

Ма произносит:

– По моему знаку приготовились, вперед, – после чего мы открываем пошире рот и кричим как можно громче. Сегодня я кричу, как никогда, громко, потому что мои легкие увеличились оттого, что мне исполнилось пять.

Потом мы говорим «ш-ш», приложив к губам палец. Однажды я спросил маму, к чему это мы прислушиваемся, и она ответила:

– На всякий случай.

Потом я делаю рисунки вилки, расчески, крышек от банок и швов на своих джинсах с помощью притирания. Самая подходящая бумага для этого – разлинованная, но для множества рисунков лучше использовать туалетную. Сегодня я нарисовал кота и попугая, игуану и енота, Санта-Клауса, и муравья, и Счастливого, и всех моих друзей из телевизора, друг за другом, и себя самого – короля Джека. Закончив, я смотал бумагу обратно в рулон, чтобы можно было им вытирать попу. От другого рулона я отрезал кусочек, чтобы написать письмо Доре, но для этого мне пришлось заточить красный карандаш гладким ножом. Я сильно нажимаю на карандаш, поскольку он такой короткий, что от него почти ничего не осталось. Я пишу очень хорошо, только иногда переворачиваю буквы задом наперед. «Позавчера мне исполнилось пять, ты можешь съесть последний кусочек пирога, но у нас нет для него свечей, с любовью, до свидания, Джек». В начале слова «пирога» бумага немного порвалась.

– Когда Дора его получит?

– Ну, – говорит Ма, – я думаю, через несколько часов это письмо попадет в море, потом его выбросит на берег...

Ее слова звучат очень смешно, потому что она сосет ледяной кубик, чтобы уменьшить боль в зубе. Берег и море существуют только в телевизоре, но я думаю, что, если послать письмо, они ненадолго станут настоящими. Я спускаю воду в туалете, и письмо уносится вместе с ней.

– А кто его найдет? Диего?

– Наверное. И отвезет его своей кузине Доре...

- В своем «джипе-сафари». *Зум-зум* через джунгли.
- Так что она получит твое письмо завтра утром. Или самое позднее – в обед.
- Ледяной кубик уже не так выпирает за маминой щекой.
- Покажи!

Ма высовывает язык – на нем лежит маленький кубик.

- Я думаю, у меня тоже болит зуб.

Но Ма отмахивается от меня:

- Брось, Джек.
- Нет, правда болит. Ой-ой-ой!

Ее лицо меняется.

- Если хочешь пососать лед, так соси, и не надо ничего придумывать.

– Мне больно.

– Меня этим не испугаешь.

А я и не собирался ее пугать.

- Может быть, он заболит, когда мне будет шесть.

Доставая из холодильника кубики, она громко выдыхает:

- У врунишки вспыхнули штанишки.

Но я не вру, а только притворяюсь.

Снаружи идет дождь, Бог на нас не смотрит. Мы поем песни «Штормовая погода», «Идет дождь» и еще одну – о том, как пустыня ждет дождя.

На ужин у нас рыбные палочки с рисом, я давлю лимон, но он не настоящий, а из пластика. Однажды у нас был настоящий лимон, но он слишком быстро закончился. Ма закапывает кусочек своей рыбной палочки в землю под цветком.

По вечерам планеты мультфильмов нет, наверное, потому, что темно, а у них на телевидении нет ламп. Я выбираю программу, где готовят еду, но только не настоящую, потому что у них нет консервных банок. Потом я переключаюсь на планету фитнеса, где люди в нижнем белье на разных машинах много раз подряд выполняют одни и те же движения. Я думаю, их здесь заперли. Но эта программа быстро заканчивается, и начинается программа о строителях сборных домиков. Они собирают дома самых разных форм и красят их в миллионы различных оттенков. Дома похожи на множество соединенных между собой комнат. Люди в телевизоре живут в основном в них, но иногда выходят наружу и попадают под погоду.

- А что, если передвинуть кровать сюда? – предлагает Ма.

Я удивленно смотрю на нее, а потом туда, куда она показывает.

- Но это же телевизионная стена.

– Это мы ее так называем, – отвечает Ма, – но кровать, наверное, войдет сюда, если поставить ее между туалетом и... нам придется немного отодвинуть шкаф. Тогда мы поставим на ее место комод, а на него телевизор.

Но я с силой трясую головой:

- Тогда мы ничего не увидим.

- Нет, увидим, мы же будем сидеть вот здесь, в кресле-качалке.

- Это плохая идея.

- Хорошо, забудем об этом. – Ма складывает руки на груди.

Женщина в телевизоре плачет, потому что ее дом стал желтым.

- Может быть, ей больше нравится коричневый? – спрашиваю я.

- Нет, – говорит Ма.

- Она плачет от счастья.

- Это очень странно.

– Может, ей грустно и радостно одновременно, как тогда, когда по телевизору передают красивую музыку?

– Нет, она просто дура. Давай выключим телевизор.

– А можно через пять минут? Ну пожалуйста.

Ма отрицательно качает головой.

– Тогда давай поиграем в попугая, у меня ведь получается все лучше и лучше.

Я напряженно вслушиваюсь в слова телевизионной женщины, потом говорю:

– «Моя мечта осуществилась, должна сказать вам, Доррен, что даже в самых смелых мечтах я не могла представить себе такое, а карнизы...»

Но тут Ма выключает телевизор. Я хочу спросить ее, что такое карниз, но думаю, что она все еще обдумывает свой безумный план – как передвинуть мебель.

Забравшись в шкаф, я не сплю, а считаю наши стычки с Ма. За три дня у нас произошло три ссоры: одна – из-за свеч, другая – из-за мышонка и третья – из-за Счастливого. И мне хочется снова стать четырехлетним, если пять лет означают постоянные ссоры с Ма.

– Спокойной ночи, комната, – очень тихо говорю я. – Спокойной ночи, Ма и шарик.

– Спокойной ночи, плита, – говорит Ма, – и спокойной ночи, стол.

Я улыбаюсь.

– Спокойной ночи, бумажный мяч; спокойной ночи, ноги, замок; спокойной ночи, ковер.

– Спокойной ночи, воздух, – говорит Ма.

– Спокойной ночи, все звуки.

– Спокойной ночи, Джек.

– Спокойной ночи, Ма, и не забудь про клопа.

– Ночь, скорее засыпай, – говорит Ма, – клоп, малютку не кусай!

Когда я просыпаюсь, окно на крыше ярко-голубое, снега на нем нет даже в уголках. Ма сидит на своем стуле, держась за щеку, – значит, у нее опять болит зуб. Она смотрит на стол, на котором стоят две вещи. Я вскакиваю и хватаю одну из них.

– Это же джип! Джип с дистанционным управлением! – Я вожу его по воздуху – он красный и величиной с мою ладонь. Прямоугольная дистанция серебристого цвета. Когда я нажимаю на одну из кнопок своим большим пальцем, колеса джипа начинают крутиться – *жжж-жжж*.

– Это тебе запоздалый подарок на день рождения.

Я знаю, что его принес Старый Ник, но Ма не говорит мне об этом. Я не хочу есть подушечки, но Ма говорит, что я буду играть со своим джипом только после завтрака. Я съедаю двадцать девять подушечек и больше уже не могу. Ма говорит, что нельзя выбрасывать еду, и доедает все остальное.

Я заставляю свой джип двигаться с помощью одной лишь дистанции. У нее тонкая серебристая антенна, я могу делать ее длинной или короткой, как мне захочется. Одна кнопка заставляет джип двигаться вперед или назад, а другая – поворачивать вправо или влево. Если же я нажму обе одновременно, машину парализует, словно в нее попала отравленная стрела, и она говорит *аргххх*.

Ма заявляет, что надо начинать уборку, ведь сегодня вторник.

– Осторожнее с ним, – предупреждает она. – Не забывай, что его легко сломать.

Я это знаю – все на свете ломается.

– И если ты будешь все время гонять его, то батарейки сядут, а у нас других нет.

Я заставляю джип объехать всю комнату, это легко, только по краям ковра он застревает, потому что ковер под его колесами собирается в складки. Дистанция – начальница, она говорит:

– Ну давай, выезжай, а то тащишься как черепаха. Объезжай дважды вокруг ножки стола, лентяй. Крути своими колесами.

Иногда джип устает, и его колеса крутятся со звуком *grrrrr*. Потом шаловливая машинка прячется в шкаф, но дисташка чудесным образом находит ее и заставляет ездить туда и обратно, долбя дверцы шкафа.

По вторникам и пятницам у нас всегда пахнет уксусом. Ма трет под столом тряпкой, которая когда-то была моей пеленкой. Я уверен, что она смахнула паутину, но теперь мне уже не до паутины. Потом она достает пылесос, который ревет и гоняет пыль – *ва-ва-ва*.

Джип прячется от него под кроватью.

– Выходи оттуда, мой маленький джипчик, – говорит ему дисташка. – Если ты станешь рыбой в реке, я превращусь в рыбака и поймаю тебя сетью.

Но хитрый джип затаился под кроватью. Усталая дисташка засыпает, убрав антенну, а джип подкрадывается к ней сзади и вытаскивает батарейки, ха-ха-ха.

Я играю с джипом и дисташкой весь день, только когда я моюсь в ванне, они стоят на столе, чтобы не заржаветь. Когда мы с Ма кричим, я поднимаю их прямо к окну, и джип как можно громче вращает своими колесами.

Ма ложится, снова держась за щеку. Время от времени она делает несколько глубоких вздохов подряд.

– Почему ты так долго выдыхаешь?

– Пытаюсь победить боль.

Я сажусь у ее головы и убираю с ее глаз волосы. Лоб у нее липкий от пота. Она хватается меня за руку и крепко сжимает.

– Все в порядке, Джек.

Но я вижу, что не в порядке.

– Хочешь поиграть с джипом, дисташкой и со мной?

– Чуть попозже.

– Когда ты будешь играть, то отвлечешься и забудешь про свою боль.

Она слабо улыбается, но ее следующий выдох больше похож на стон.

В 5:57 я говорю:

– Ма, уже почти шесть.

И она встает, чтобы приготовить ужин.

Джип и дисташка сидят в ванной, поскольку там теперь сухо и это их пещера, где они прячутся.

– А ты знаешь, джип умер и улетел на небеса, – говорю я, стараясь побыстрее съесть свои кусочки цыпленка.

– Неужели?

– А потом ночью, когда Бог уснул, джип выбрался оттуда и спустился по стеблю гороха в нашу комнату, чтобы повидаться со мной.

– Как мило с его стороны.

Я съедаю три зеленые фасолины и делаю большой глоток молока, потом еще три – в тройках они проходят гораздо быстрее. Конечно, глотать их пятерками было бы еще быстрее, но я не могу этого сделать, поскольку впятером они не пролезут в горло. Однажды, когда мне было четыре, Ма написала в списке того, что надо купить: «Зеленая фасоль / другие замор. зеленые ов.», а я вычеркнул слова «зеленая фасоль» оранжевым карандашом, и она решила, что это очень смешно. Под конец я ем мягкий хлеб, потому что люблю держать его во рту, когда он размокает от слюны.

– Спасибо, младенец Иисус, особенно за кусочки цыпленка, – говорю я, – и, пожалуйста, не присылай мне подольше зеленую фасоль. Послушай, а почему мы благодарим младенца Иисуса, а не его?

– Кого?

Я киваю на дверь.

Ее лицо становится злым, хотя я не называл его имени.

– За что нам его благодарить?

– Но ты же как-то сказала ему спасибо за продукты и еще за то, что он убрал снег и купил мне штаны.

– Нечего подслушивать.

Иногда, когда она по-настоящему злится, ее рот почти не открывается.

– Он не достоин, чтобы его благодарили.

– Но почему?

Ма грубо обрывает меня:

– Он только приносит нам разные вещи. Не по его воле растет в поле пшеница.

– В каком поле?

– Не по его воле светит солнце, идет дождь и все остальное.

– Но, Ма, хлеб приходит к нам совсем не с поля.

Она крепко сжимает губы.

– Почему ты сказала...

– Пришло время смотреть телевизор, – быстро говорит Ма.

Сегодня она включает видеофильм, я обожаю видео. Обычно Ма смотрит кино вместе со мной, но не сегодня. Я запрыгиваю на кровать и учу джип и дистаншку болтать ногами. Сегодня я смотрю Рианну, Т. И., леди Гагу, Кейни Уэста.

– А почему рэперы носят темные очки даже ночью? – спрашиваю я Ма. – У них что, глаза болят?

– Нет, они просто хотят казаться крутыми. И чтобы фанаты не смотрели им все время в лицо, потому что они такие знаменитые.

Я ничего не понимаю.

– А почему фанаты знаменитые?

– Да не фанаты, а певцы.

– А они что, не хотят быть знаменитыми?

– Думаю, что хотят, – говорит Ма и встает, чтобы выключить телевизор. – Но им хочется побыть и наедине с собой.

Пососав молока, я прошу Ма разрешить мне взять с собой в постель джип и дистаншку, ведь они мои друзья, но она не позволяет. Она говорит, что они постоят на полке, пока я буду спать.

– А то они еще задавят тебя ночью.

– Не задавят, они обещают.

– Послушай, давай сделаем так – поставим джип на полку, а ты будешь спать с дистаншкой, потому что она маленькая, особенно если убрать антенну. Договорились?

– Договорились.

Убрав джип, я забираюсь в шкаф, и мы разговариваем через щелку.

– Благослови Бог Джека, – говорит Ма.

– Благослови Бог Ма и сделай так, чтобы у нее не болел зуб. Благослови Бог джип и дистаншку. Благослови Бог все, что есть здесь, в открытом космосе, и еще джип. Ма?

– Да?

– А куда мы деваемся, когда засыпаем?

Я слышу, как она зевает.

– Никуда. Мы остаемся здесь.

– Тогда что такое сны? – Я жду ответа. – Они что, из телевизора? – Но она не отвечает. – Может быть, мы переселяемся в телевизор, когда нам снятся сны?

– Нет. Никуда мы не переселяемся. Мы все время здесь. – Ее голос звучит словно изда-
лека.

Я лежу, поджав ноги, и трогаю пальцами кнопки на дисташке. Я шепчу:

– Не можете уснуть, маленькие кнопочки? Ну хорошо, пососите немного. – Я прикладываю их к своим соскам, и они по очереди сосут. Я почти совсем уснул.

Бип-бип. Это дверь.

Я напряженно вслушиваюсь. В комнату врывается холодный воздух. Если бы я высунул голову из шкафа, то через открытую дверь увидел бы звезды, космические корабли, планеты и пришельцев, которые носятся повсюду в своих НЛО. Как бы мне хотелось, как бы мне хотелось, как бы мне хотелось их увидеть!

Бум – это захлопывается дверь, и Старый Ник рассказывает Ма, что одних продуктов не было, а цены на другие стали совершенно невообразимыми.

Интересно, посмотрит ли он на полку и увидит ли джип. Он принес его мне, но, я думаю, сам с ним не играл. Он не знает, как рычит джип, когда я включаю дисташку, – *врумммм.*

Ма разговаривает с ним недолго. Щелк – выключается лампа, и Старый Ник начинает скрипеть кроватью. Сегодня для разнообразия я считаю не пятерками, а единицами. Но так я сбиваюсь со счета и снова перехожу на пятерки. Так быстрее, и у меня получается триста семьдесят восемь скрипов.

Наконец все стихает. Я думаю, он уснул. Интересно, а Ма тоже засыпает, когда он отключается, или бодрствует и ждет, когда он уйдет? А может, они оба спят, а я бодрствую? Как странно! Я могу нарисовать их обоих в кровати или сделать что-нибудь еще. Интересно, а как они спят – рядышком или на разных концах кровати?

И тут мне в голову приходит ужасная мысль.

А что, если он тоже сосет у Ма молоко? Разрешает ли ему Ма или говорит: «Ни за что, это только для Джека»?

Если он напьется молока, он может превратиться в настоящего! Мне хочется вскочить и закричать. Я нахожу на дисташке кнопку включения и нажимаю на нее – она становится зеленой. Было бы хорошо, если бы магическая сила дисташки заставила колеса джипа крутиться прямо на полке. Тогда Старый Ник в ужасе проснется, ха-ха-ха.

Я нажимаю на кнопку «вперед», но ничего не происходит. Ах ты черт, я же забыл вытянуть антенну. Я вытягиваю ее на всю длину и снова нажимаю кнопку, но дисташка все равно не работает. Тогда я высовываю антенну в щель – теперь она снаружи, а я внутри. Я нажимаю на кнопку. Я слышу слабый звук. Это, наверное, у джипа закрутились колеса, и тут...

БАХХХХХ!

Старый Ник ревет; я никогда еще не слышал, чтобы он так ревел. Он поминает Иисуса, но ведь это сделал не младенец Иисус, а я. Включается лампа, свет сквозь щель бьет мне в глаза, и я зажмуриваюсь. Я откатываюсь назад и закрываюсь одеялом с головой.

Старый Ник орет:

– Что это ты задумала?

Голос у Ма заспанный, она говорит:

– Что с тобой? Тебе приснился кошмар?

Я кусаю одеяло – оно мягкое, словно серый хлеб у меня во рту.

– Ты хотела со мной расправиться? Это правда? – Его голос звучит уже тише. – Я уже говорил тебе однажды, что если ты...

– Я спала, – отвечает ему Ма приглушенным тоненьким голоском. – Смотри, смотри – это дурацкий джип свалился с полки.

Джип совсем не дурацкий.

– Извини, – говорит Ма, – извини, надо было поставить его в другое место, тогда бы он не упал. Мне и вправду очень, очень...

– Ладно, успокойся.

– Давай включим свет...

– Нет, – отвечает Старый Ник. – С меня довольно.

Никто ничего не говорит. Я считаю – один бегемот, два бегемота, три бегемота...

Бип-бип, это дверь открывается, а потом захлопывается – *бум*. Он ушел. Лампа гаснет. Я ощупываю пол у шкафа в поисках дисташки и обнаруживаю ужасную вещь. Ее антенна стала короткой и острой, – наверное, она сломалась.

– Ма, – шепчу я.

Нет ответа.

– Дисташка сломалась.

– Спи. – У нее такой хриплый и пугающий голос, что мне показалось, будто это не она.

Я пять раз пересчитываю свои зубы; у меня всякий раз получается двадцать, но я делаю это снова и снова. Ни один из зубов не болит, но, может быть, заболит, когда мне будет шесть.

Я, наверное, все-таки уснул, потому что вдруг снова просыпаюсь. Я лежу в шкафу, в комнате темно. Ма еще не забрала меня к себе в кровать. Почему? Я открываю дверцы и прислушиваюсь к ее дыханию. Она еще спит; она же не могла сойти с ума во сне?

Я забираюсь под одеяло. Я лежу рядом с Ма, не касаясь ее. От нее исходит жаркое тепло.

Глава 2. Правдивый рассказ

Утром, поедая подушечки, я замечаю на шее у Ма темные пятна.

– У тебя на шее грязь.

Ма в это время пьет воду, и, когда она глотает, ее кожа двигается.

Но ведь это совсем не грязь, думаю я. Я зачерпываю подушечки, но они слишком горячие, и я выплевываю их обратно в оплавленную ложку. Мне кажется, это Старый Ник оставил на ее шее следы. Я хочу что-то сказать, но у меня не получается. Я делаю еще одну попытку.

– Извини, это из-за меня джип свалился ночью с полки.

Я встаю со стула, и Ма обнимает меня.

– Чего ты хотел этим добиться? – спрашивает она. Голос у нее по-прежнему хриплый.

– Показать ему.

– Что?

– Я был, я был, я был...

– Все хорошо, Джек. Успокойся.

– Но дисташка сломалась, и вы все на меня злитесь.

– Послушай, – говорит Ма. – Мне совершенно безразличен твой джип.

Я удивленно мигаю:

– Это был подарок.

– Я сержусь из-за того, – ее голос становится все более громким и скрипучим, – что ты его разбудил.

– Кого – джипа?

– Нет, Старого Ника. – Она так громко произносит это имя, что я вздрагиваю. – Ты его напугал.

– Он испугался *меня*?

– Он не знал, что это сделал ты, – говорит Ма. – Он подумал, что я решила его убить, сбросив тяжелый предмет на голову.

Я зажимаю рот и нос, но мой смех все равно просачивается наружу.

– Здесь нет ничего смешного.

Я снова смотрю на ее шею, на следы, оставленные на ней пальцами Старого Ника, и больше уже не смеюсь.

Подушечки все еще слишком горячие, и мы ложимся в постель и крепко прижимаемся друг к другу.

Сегодня утром показывают мультфильм про Дору. Ура! Она плывет на лодке, которая вот-вот столкнется с большим кораблем. Мы должны махать руками и кричать: «Смотри, корабль!» – но мама не кричит. Корабли существуют только в телевизоре. Леса тоже существуют только в телевизоре, и еще джунгли, пустыни, улицы, небоскребы и машины. Животные – в телевизоре, за исключением муравьев, паука и мышонка, но от нас ушел. Микробы настоящие, и кровь тоже. Мальчики в телевизоре – настоящие, но они похожи на меня, на того, который отражается в зеркале. Этот мальчик тоже ненастоящий, он всего лишь картинка. Иногда я развязываю свой хвост, и волосы падают мне на спину, плечи и лицо, и я высовываю язык, а потом выскакиваю из волос и кричу *бу-бу*.

Сегодня среда – мы моем голову, делая себе из мыльной пены тюрбаны. Я гляжу на Ма, стараясь не попасть взглядом на ее шею.

Она рисует мне пеной усы, но они слишком липкие, и я их стираю.

– Хочешь, я сделаю тебе бороду? – спрашивает Ма. Она прикрепляет комоч пены к моему подбородку.

– Хо-хо-хо. А Санта-Клаус великан?

– Да, я думаю, он довольно большой, – отвечает Ма.

– Я буду Джеком – Победителем великанов. Я буду добрым великаном, буду находить злых и рубить им головы!

Мы делаем барабаны, наливая в стеклянные банки разное количество воды или отливая ее. Я превращаю одну из банок в реактивный морской мегатронный трансформер с помощью антигравитационного бомбомета, которым на самом деле служит обыкновенная деревянная ложка.

Я поворачиваюсь, чтобы получше рассмотреть картину «Впечатление: Восход». На ней изображены черная лодка с двумя крошечными человечками и желтое лицо Бога над ними, а еще размытый оранжевый свет на воде и какое-то голубое пятно – я думаю, это вторая лодка, но не уверен, правда ли это. Поскольку это искусство, с ним не всегда все понятно.

Для занятий физкультурой Ма предлагает игру в острова. Я стою на кровати, а она кладет подушки, сложенный ковер, ставит кресло-качалку, стулья, стол и мусорное ведро в самые неожиданные места. Я должен пройти так, чтобы не посетить дважды один и тот же остров. Самый коварный остров – это качалка, она всегда пытается меня сбросить. Ма плавает вокруг мебели – изображает лох-несское чудовище, которое хочет откусить мне ногу.

Когда приходит моя очередь выбирать игру, я предлагаю битву подушками, но Ма отвечает, что из моей подушки уже и так вылезает поролон, так что лучше сыграть в карате. Мы всегда кланяемся, демонстрируя противнику свое уважение. Мы с силой кричим *ха* и *ки-я*. Один раз я ударяю слишком сильно и случайно попадаю по больному запястью Ма.

Ма устала и выбирает гимнастику для глаз, потому что для этого надо лечь рядышком на ковер, вытянув руки вдоль тела, – так мы оба на нем умещаемся. Сначала надо смотреть на далекий предмет вроде окна на крыше, а потом – на близкий, скажем кончик своего носа, и быстро-быстро переводить взгляд.

Пока Ма разогревает обед, я ношу джип по комнате, воображая, что он летает по воздуху, поскольку уже не может ездить на колесах. Дисташка все замораживает, она заставляет Ма замереть с ложкой в кастрюле.

– Можешь продолжать, – говорю я.

Она снова принимается мешать суп, а потом говорит мне:

– Попробуй.

Овощной суп, брр! Я дую на него, чтобы было веселее есть.

Я не устал и не хочу спать, и снимаю с полки книги. Ма разочарованно произносит:

– Опять этот Дилан! Терпеть его не могу!

Я удивленно гляжу на нее:

– Но ведь это мой друг.

– О Джек! Я терпеть не могу эту книгу, но это вовсе не значит, что я не люблю самого Дилана.

– А почему ты не можешь терпеть книгу про Дилана?

– Мы уже столько раз ее читали!

– Если я чего-нибудь хочу, то хочу этого всегда – например, шоколад. Шоколада много не бывает!

– Ты можешь сам ее почитать, – говорит Ма.

Как глупо, ведь я могу сам почитать все мои книги, даже «Алису» с ее старомодными словами.

– Мне больше нравится, когда читаешь ты.

Глаза Ма блестят, а взгляд становится тяжелым. Она открывает книгу и читает: «Во-о-о-от он, Дилан!»

Видя, что Дилан ее раздражает, я разрешаю ей почитать «Сбежавшего кролика», а потом – немного из «Алисы». Мой самый любимый стих в этой книге – «Вечерний суп», я надеюсь,

что он не овощной. Алиса попадает в зал с большим количеством дверей, одна из них – совсем крошечная. Когда Алиса открывает ее золотым ключиком, там оказывается сад с яркими цветами и прохладными фонтанами, но она почему-то все время не того размера, что нужно. Когда же она наконец попадает в этот сад, то обнаруживает, что розы в нем не настоящие, а нарисованные, и ей приходится играть в крикет с фламинго и ежами.

Мы лежим поверх одеяла. Я напиваюсь молоком до отвала. Я думаю: если будет по-настоящему тихо, мышонок к нам вернется, но он не возвращается. Ма, должно быть, заделала в полу все дырки. Она вообще-то не скупая, но иногда начинает жадничать.

Встав, мы кричим, а я еще бью крышками кастрюль, как литаврами. Крик продолжается целую вечность, потому что, когда я замолкаю, Ма снова начинает кричать, чуть было не срывая себе голос. Пятна на ее шее становятся ярко-красными, как тогда, когда я рисую свекольным соком. Я думаю – это следы пальцев Старого Ника.

После этого я играю в телефон с рулоном туалетной бумаги. Мне нравится слушать, как звучат слова, когда я говорю в толстый рулон. Обычно Ма разговаривает со мной разными голосами, но сегодня ей нужно полежать и почитать. Она читает «Код да Винчи», с обложки книжки выглядывают глаза женщины, которая похожа на Мать младенца Иисуса.

Я звоню Бутс, Патрику и младенцу Иисусу и рассказываю им о том, что я научился делать, став пятилетним.

– Я могу стать невидимкой, – шепчу я в свой телефон. – Я могу вывернуть язык наизнанку и взлететь, как ракета, в открытый космос.

Глаза Ма закрыты – как же она читает с закрытыми глазами?

Я играю в клавиатуру, то есть залезаю на стул у двери, и обычно Ма называет номера, но сегодня мне приходится придумывать их самому. Я быстро-быстро, без ошибок нажимаю на кнопки с цифрами. Дверь не открывается, но мне нравится звук «клик», который раздается, когда я нажимаю на кнопки.

Переодевание – тихая игра. Я надеваю королевскую корону, которая сделана из кусочков золота и серебряной фольги, прикрепленных поверх пакета из-под молока. Я делаю для Ма браслет – связываю два ее носка, белый и зеленый.

Я достаю с полки коробку с играми. С помощью нашей линейки я измеряю доминошки и шашки: длина доминошки – почти целый дюйм, а шашки – половина дюйма. Я вставляю пальцы в святого Петра и святого Павла, они кланяются друг другу и после каждого поклона по очереди летают по комнате.

Глаза Ма снова открыты. Я дарю ей браслет из носков, она говорит, что он очень красивый, и тут же надевает его на руку.

– А давай поиграем в моего соседа Попрошайку.

– Дай мне одну секундочку привести себя в порядок, – говорит она, идет к умывальнику и моет лицо.

Я не знаю, зачем она это делает, ведь оно у нее не грязное; может быть, на нем много микробов?

Я дважды выпрашиваю у нее денег, а она у меня – всего один раз; я ненавижу проигрывать. Потом мы играем в Джина-пьяницу и рыболова, в основном выигрываю я. Потом мы просто играем в карты, танцуем, боремся и придумываем всякие истории. Моя самая любимая история – об Алмазном Джеке и его друзьях, тоже Джеках.

– Смотри, – показываю я на часы. – Уже пять ноль одна, можно ужинать.

Мы съедаем по хот-догу, объедение!

Когда мы включаем телевизор, я усаживаюсь в кресло-качалку, но Ма садится на кровать. В руках у нее иглолка с ниткой – она пришивает кайму к своему коричневому с розовым платью. Мы смотрим медицинскую планету, где врачи и медсестры делают в людях дырки и

вытаскивают оттуда микробов. Люди эти не умерли, а спят. Доктора не откусывают нитку, как Ма, а отрезают ее суперострыми кинжалами. Потом они зашивают людей, как Франкенштейн.

Когда начинается реклама, Ма просит меня встать и выключить звук. На экране в это время человек в желтом шлеме сверлит на улице дырку. Вдруг он хватается за лоб и морщится.

– Ему больно? – спрашиваю я.

Ма поднимает лицо от шитья:

– У него, должно быть, разболелась голова от этого ужасного звука.

Но мы его не слышим, потому что звук у телевизора выключен. На экране телевизора этот человек стоит теперь у раковины и вытаскивает таблетку из бутылочки. В следующем кадре – он улыбается и бросает мальчику мяч.

– Ма, Ма.

– Что? – спрашивает она, завязывая узел.

– Это же наша бутылочка! Ты что, не видела? Ты не смотрела, когда показывали мужчину с головной болью?

– Нет.

– Бутылочка, из которой он вытащил таблетку, точно такая же, как у нас. Ну, та, где лежит обезболивающее.

Ма смотрит на экран, но там уже показывают машину, объезжающую гору.

– Нет, перед этим, – говорю я, – у него была наша бутылочка из-под обезболивающих таблеток.

– Ну наверное, это была такая же, как у нас, но не наша.

– Нет, наша.

– Да таких бутылочек полным-полно.

– Где?

Ма смотрит на меня, потом снова на свое платье и натягивает кайму.

– Наша бутылочка стоит на полке, а другие...

– В телевизоре? – спрашиваю я.

Она смотрит на нитки и наматывает их на маленькие карточки, чтобы убрать в швейный набор.

– Знаешь что? – спрашиваю я. – Знаешь, что это значит? Он уходит в телевизор. – По телевизору снова идет медицинская планета, но я уже не смотрю. – Он – это Старый Ник, – уточняю я, чтобы она не подумала, что я говорю о человеке в желтом шлеме. – Когда его здесь нет, то есть днем; знаешь что? Он находится в телевизоре. Там он покупает в магазине наше обезболивающее и приносит его сюда.

– Приносит, – поправляет меня Ма, вставая. – Надо говорить «приносит», а не «приносить». Пора спать. – Она запекает песню «Укажи мне путь в мою обитель», но я не подхватываю ее.

Мне кажется, она не понимает, как это все удивительно. Я думаю о своем открытии, когда надеваю ночную футболку и чищу зубы, и даже тогда, когда сосу молоко, лежа рядом с мамой в кровати. Я отрываю рот от соска и спрашиваю:

– Как получилось, что мы никогда не видели его по телевизору?

Ма зеваает и садится.

– Мы все время смотрим и ни разу его не видели; как так могло получиться?

– Потому что его там нет.

– Но бутылочка, где он ее достал?

– Не знаю. – Она произносит это странным тоном.

Я думаю, она притворяется.

– Ты должна знать. Ты ведь все знаешь.

– Послушай, это совсем не важно.

– Нет, это важно, а мне не безразлично. – Я почти кричу.

– Джек...

Что «Джек»? Что она хочет этим сказать? Ма снова откидывается на подушки.

– Я не могу это объяснить.

Я думаю, она может, но не хочет.

– Ты можешь, потому что мне уже пять.

Ма поворачивает лицо к двери.

– Ты хочешь знать, где покупают бутылочки с таблетками? Ну хорошо, я скажу – в магазине. И он тоже купил их там и принес сюда в качестве воскресного подарка.

– В магазине в телевизоре? – Я смотрю на полку – бутылки по-прежнему стоят там. – Но ведь болеутоляющие таблетки настоящие...

– Он покупает их в настоящем магазине. – Ма трет глаза.

– Как?..

– Ну хорошо, хорошо. Хорошо, я тебе объясню!

Почему она кричит?

– Слушай. То, что мы видим по телевизору, – это картинки реальных вещей.

Это самая удивительная вещь, которую я когда-либо слышал. Ма закрывает себе рот руками.

– И Дора настоящая?

Ма убирает руки.

– Нет, к сожалению. Большинство вещей в телевизоре просто картинки вроде Доры, которую нарисовал художник. Но другие люди, с лицами похожими на наши, настоящие.

– Реальные люди?

Ма кивает.

– И места вроде ферм, лесов, аэропортов и городов тоже реальные?..

– Не-а.

Зачем она мне врет?

– И где же они находятся?

– Везде, – отвечает Ма. – Снаружи. – Она дергает головой назад.

– За кроватной стеной? – Я в изумлении гляжу на нее.

– За стенами нашей комнаты. – Она показывает в другом направлении, на стену, у которой стоит плита, и обводит всю комнату пальцем.

– Значит, магазины и леса летают в открытом космосе?

– Нет. Забудь об этом, Джек. Не надо было мне...

– Нет, надо. – Я с силой трясую ее за коленку и говорю: – Расскажи мне.

– Только не сегодня. Я не могу подобрать правильные слова, чтобы все тебе объяснить.

Алиса говорит, что не может объяснить свое поведение, потому что она не в себе, она знает, кем она была утром, но с тех пор все несколько раз изменилось.

Ма неожиданно встает и берет с полки обезболивающее. Я думаю, она хочет проверить, те ли это таблетки, что и в телевизоре, но она открывает бутылочку и глотает одну таблетку, а за ней – другую.

– А завтра ты сможешь найти слова?

– Сейчас уже восемь часов сорок девять минут, Джек, давай ложись в постель. – Она завязывает пакет с мусором и ставит его у двери.

Я ложусь в свою постель в шкаф, но уснуть не могу.

Сегодня один из тех дней, когда Ма уходит.

Она не встает с постели. Она здесь, и в то же время ее нет. Она лежит, сунув голову под подушку.

Я съедаю свою сотню хлопьев и забираюсь на стул, чтобы помыть тарелку и обожженную ложку. Когда я выключаю воду, в комнате становится очень тихо. Интересно, приходил ли вчера вечером Старый Ник? Наверное, нет, потому что мешок с мусором стоит у двери. Но может быть, он все-таки появлялся, но не забрал с собой мусор? Может, Ма не ушла? Может, он сжал ее шею еще сильнее, и сейчас она...

Я подхожу к ней поближе и прислушиваюсь к ее дыханию. Я стою всего в одном дюйме от нее, мои волосы касаются ее носа, и она закрывает лицо рукой, и я отступаю назад.

Я не моюсь в ванной один, я только одеваюсь. Час тянется за часом. Сотни часов. Ма встает пописать, но ничего не говорит, и ее лицо ничего не выражает. Я уже поставил стакан воды рядом с кроватью, но она, не обращая на него внимания, забирается под одеяло.

Я ненавижу, когда она уходит, но зато я могу целый день смотреть телевизор. Сначала я включаю его совсем тихо, но потом немного прибавляю звук. Если я буду слишком долго смотреть телевизор, то превращусь в зомби, но Ма сама сегодня похожа на зомби и даже не смотрит на экран. Сегодня показывают «Боба-строителя», «Удивительных животных» и «Барни». К каждому я подхожу и дотрагиваюсь, чтобы поздороваться с ними. Барни и его друзья постоянно обнимаются, и я подбегаю, чтобы оказаться между ними, но иногда опаздываю. Сегодняшняя серия посвящена сказке о змее, которая приползает ночью и превращает старые зубы в деньги. Мне хочется увидеть Дору, но ее сегодня нет.

В четверг мы всегда стираем, но я не могу стирать один, а Ма так и не встает с постели.

Я снова хочу есть. Я смотрю на часы, но они показывают 9:47. Мультфильмы закончились, так что я смотрю футбол и планету, где люди выигрывают разные призы. Женщина с пышными волосами, сидя на своем красном диване, разговаривает с мужчиной, который когда-то был чемпионом по боксу. Я переключаюсь на другую планету, где женщины держат в руках ожерелья и рассказывают, какие они изысканные. Ма, попадая на эту планету, называет их «паразитками». Но сегодня она молчит, она даже не замечает, что я смотрю телевизор без перерыва и мои мозги уже начинают пованивать.

Как может телевизор показывать картинки реальных вещей?

Я представляю, как все они летают в открытом космосе за пределами наших стен: диван, и ожерелья, и хлеб, и болеутоляющие таблетки, и самолеты, и все женщины и мужчины, боксеры, и одноногий человек, и женщина с пышными волосами, – и они пролетают мимо нашего окна. Я машу им рукой, но тут же летят и небоскребы, и коровы, и корабли, и грузовики. Там, наверное, страшная толкучка. Я считаю все вещи, которые могут врезаться в нашу комнату. Дыхание у меня сбивается, и мне приходится вместо этого начать считать свои зубы, слева направо вверх, а потом справа налево вниз, потом назад. Всякий раз у меня получается двадцать, но я думаю, что, может быть, ошибся.

Когда часы показывают 12:04, я иду обедать. Я осторожно открываю банку с консервированной фасолью. Интересно, проснулась бы Ма, если бы я порезался и позвал ее на помощь? Я никогда до этого не ел холодную фасоль. Я съедаю девять фасолин и чувствую, что наелся. Я кладу оставшиеся в миску и ставлю в холодильник, чтобы они не испортились. Несколько фасолин прилипло ко дну консервной банки, и я наливаю туда воды. Может, Ма встанет и отскребет их. А может, она будет голодная и скажет:

– О, Джек, какой ты умница, что оставил мне в миске фасоль.

Я измеряю с помощью линейки другие предметы, но мне трудно самому складывать числа. Я переворачиваю линейку, представляя себе, что это акробатка в цирке. Потом я играю с дисташкой. Я направляю ее на Ма и шепчу:

– Проснись, – но она не просыпается.

Шарик уже совсем сдулся, он качается на бутылке из-под сливового сока почти под самым окном на крыше, отчего свет становится коричневым и сверкает. Он боится дисташки, потому что у нее очень острый кончик, поэтому я кладу ее в шкаф и закрываю дверцы. Я

говорю всем вещам в комнате, что все будет в порядке – завтра мама вернется. Я читаю все пять книг, только «Алису» – совсем немного.

Сегодня я не кричу, чтобы не мешать Ма. Я думаю, что ничего страшного не будет, если мы один день не покричим.

Потом я снова включаю телевизор и двигаю кроликом, и он делает изображение немного более четким. На экране показывают гонки, я люблю смотреть, как машины носятся с огромной скоростью, но это быстро надоедает, потому что они сотни раз проезжают по одному и тому же кругу. Мне хочется разбудить Ма и спросить у нее, неужели настоящие люди и вещи летают вокруг нас снаружи, но боюсь, что она рассердится. А вдруг она не включится, даже если я начну ее трясти? Поэтому я не трогаю ее. Я подхожу очень близко – из-под подушки виднеется часть ее лица и шея. Следы пальцев Ника стали теперь фиолетовыми.

Эх, попался бы мне этот Старый Ник, я бы пинал его ногами до тех пор, пока не расколол бы ему задницу! Я бы открыл дверь с помощью дисташки, вылетел бы наружу, купил бы все, что нужно, в настоящих магазинах и принес бы Ма!

Я тихонько плачу – так, чтобы Ма не услышала.

Я смотрю передачу о погоде, а потом фильм об осаде замка. Его защитники сооружают баррикаду у двери, чтобы враг не смог ее открыть. Я грызу ногти, и Ма не говорит мне, чтобы я перестал. Интересно, много ли клеток погибло в моем мозгу и сколько еще осталось? Мне кажется, что меня сейчас вырвет, совсем как тогда, когда мне было три года и у меня случилось расстройство желудка. А если меня вырвет на ковер, смогу ли я сам отмыть его?

Я смотрю на пятно, появившееся при моем рождении. Я становлюсь на колени и глажу его – оно теплое и грубое на ощупь, как и весь ковер, никакой разницы.

Ма никогда не уходит больше чем на день. Не знаю, что буду делать, если проснусь завтра утром, а она все еще не вернется.

Почувствовав голод, я съедаю банан, хотя он и немного недозревший.

Дора – это рисунок в телевизоре, но ведь она – мой настоящий друг. Разве такое бывает? Джип – настоящий, я могу ощупать его пальцами. Супермен существует только в телевизоре. Деревья – тоже, а вот цветок – настоящий, ой, я забыл его полить. Я снимаю с комода цветок, ставлю его в раковину и поливаю. Интересно, съел ли он кусочек рыбы, который оставила для него Ма?

Скейтборд существует только в телевизоре, и девочки с мальчиками – тоже. Правда, Ма говорит, что они настоящие, но как это может быть, если они все такие плоские? Мы с Ма можем соорудить баррикаду, передвинув кровать к двери, чтобы ее нельзя было открыть. Какой это будет сюрприз для Ника! Ха-ха! «Пустите меня, – будет орать он, – или я сделаю пиф-паф, и ваш дом разлетится в щепки!» Трава тоже существует только в телевизоре, и огонь тоже, но он может забраться к нам в комнату, если я разогрею фасоль, и красное пламя прыгнет ко мне на рукав, и я сторю. Мне хочется посмотреть на это, но совсем не хочется, чтобы это произошло. Воздух настоящий, а вода – только в раковине и в ванне. Реки и озера существуют в телевизоре. Что касается моря, то тут я не уверен: если бы оно было снаружи, все вещи промокли бы насквозь. Мне хочется потрясти Ма и спросить, настоящее ли море. Комната самая что ни на есть настоящая; может, и то, что снаружи, – тоже, только оно надевает на себя шапку-невидимку, как принц Джекер-Джек в сказке? Младенец Иисус тоже живет в телевизоре, за исключением картинки, где Он изображен со своими Ма, двоюродным братом и бабушкой, но Бог – реален, потому что смотрит в наше окно и мы видим Его желтое лицо. Только не сегодня – сегодня за окном все серое.

Мне хочется залезть в постель к Ма. Но я сижу на ковре, положив руки на ее ступни, поднимающиеся под одеялом. Когда руки устают, я ненадолго опускаю их, а потом снова кладу на мамины ноги. Я загибаю край ковра и тут же отпускаю, чтобы он хлопнулся на пол. Я повторяю это бесчисленное количество раз.

Когда становится темно, я пытаюсь съесть еще немного фасоли, но не могу – она такая противная! Тогда я намазываю себе хлеб арахисовым маслом и съедаю его. Я открываю морозилку и засовываю голову между пакетами с горохом, шпинатом и этой ужасной зеленой фасолью и держу ее до тех пор, пока все мое лицо, даже веки, не замерзает. Тогда я отскакиваю, закрываю дверцу и начинаю тереть щеки, чтобы они согрелись. Я чувствую их своими ладонями, но сами щеки не ощущают моих ладоней, как странно!

В окне теперь темно, и я надеюсь, что Бог покажет нам свое серебряное лицо.

Я влезаю в ночную футболку. Интересно, грязный ли я, ведь я сегодня не принимал ванны. Я обнюхиваю себя. В шкафу я закрываюсь одеялом, но мне все равно холодно. Я забыл сегодня включить обогреватель, вот почему мне холодно, я только что вспомнил об этом, а включать его ночью нельзя. Мне очень хочется молока, я сегодня совсем его не пил. Я бы пососал даже правую грудь, но левая все-таки лучше. Может быть, залезть к Ма в постель и попробовать пососать, но она может отпихнуть меня, а это еще хуже.

И еще – вдруг я буду лежать с Ма, когда придет Старый Ник? Я не знаю, сколько сейчас времени, – в комнате очень темно, и я не вижу часов.

Я тихонько забираюсь в кровать, так чтобы Ма не услышала. Я просто полежу рядом с ней. Если услышу *bip-bip*, то быстренько соскочу на пол и заберусь в шкаф.

А что, если он придет, а Ма не проснется; рассердится ли он еще сильнее? Оставит ли на ее щеке следы покрупнее? Я не сплю – я должен услышать, когда он придет.

Он не приходит, но я все равно не сплю.

Мусорный пакет по-прежнему стоит у двери. Сегодня утром Ма встала раньше меня, развязала его и выбросила в него фасоль, которую она выскребла из консервной банки. Раз пакет еще здесь, значит он не приходил, догадываюсь я. Ура, его не было уже целых два вечера!

Пятница – день чистки матраса. Мы переворачиваем его вверх ногами и набок, чтобы на нем не было комков. Он такой тяжелый, что мне приходится напрягать все свои силы, а когда он падает, то сталкивает меня на ковер. Я впервые замечая на матрасе коричневое пятно в том месте, где я вылез из маминого живота. Потом мы скачем по нему, выбивая пыль; пыль – это крошечные невидимые частички нашей кожи, которые нам больше не нужны, потому что у нас, как у змей, вырастают новые. Ма чихает на очень высокой ноте – совсем как оперная звезда, которую мы однажды слышали по телевизору.

Мы составляем список необходимых продуктов, но никак не можем договориться.

– Давай попросим конфет, – говорю я. – Пусть не шоколадных, а таких, которые мы до этого еще ни разу не ели.

– Ты хочешь леденцов, чтобы твои зубы стали такими же, как у меня?

Я не люблю, когда Ма говорит таким язвительным тоном.

Потом мы читаем предложения из книжек без картинок. На этот раз мы выбрали «Хижину», где рассказывается о доме с привидениями, стоящем среди белых снегов.

– «С той поры, – читаю я, – мы с ним, как говорят современные дети, постоянно околачивались там, распивая кофе, впрочем, я чаще пил китайский чай, очень горячий и с соя».

– Отлично, – говорит Ма, – только надо говорить не «с соя», а «с соей».

Люди в книгах и телевизоре всегда хотят пить, они пьют пиво и сок, шампанское и кофелатте – словом, самые разные жидкости. Иногда, когда им хорошо, они стучат своими бокалами о бокалы других, но не разбивают их. Я перечитываю эту строчку, до сих пор не понимая.

– Кто такие «мы»? Это что, дети? – спрашиваю я.

– Гм... – произносит Ма, заглядывая в книгу через мое плечо. – Я думаю, автор имеет в виду детей в целом.

– А что такое «в целом»?

– Ну, это множество детей.

Я пытаюсь представить себе множество детей, играющих друг с другом.

– А они настоящие, живые люди?

Ма минуту молчит, потом очень тихо произносит:

– Да.

Значит, все, что она вчера говорила, правда.

Следы от пальцев Ника все еще на ее шее; интересно, исчезнут ли они когда-нибудь?

Ночью Ма снова зажигает лампу, и я просыпаюсь от света, лежа в кровати. Лампа горит, я считаю до пяти. Лампа гаснет, но я успеваю сосчитать только до одного. Лампа снова загорается, я считаю до двух. Лампа гаснет, я считаю до двух. Я издаю стон.

– Потерпи еще немного, – говорит мне Ма, глядя на окно в крыше, но оно совсем темное.

У двери нет мусорного пакета, значит, он был здесь, пока я спал.

– Ну пожалуйста, Ма. Я хочу спать.

– Еще минуту.

– У меня глаза болят.

Она наклоняется над кроватью и целует меня около рта, а потом накрывает одеялом с головой. Свет вспыхивает, но теперь уже не так ярко. Через некоторое время Ма ложится в постель и дает мне немного пососать, чтобы я поскорее уснул.

В субботу Ма для разнообразия заплетает мне три косички. Они очень смешные. Я мотаю головой, и они хлопают меня по лицу.

Сегодня утром я не смотрю планету мультфильмов, я выбираю садоводство, фитнес и новости. Обо всем, что я вижу, я спрашиваю:

– Ма, это настоящее?

И она говорит «да»; только когда показывают фильм об оборотнях, в котором одна женщина взрывается, словно воздушный шарик, Ма говорит, что это спецэффекты, которые делают на компьютере.

На обед мы открываем банку цыпленка с горохом, соусом карри и рисом.

Мне хотелось бы покричать сегодня как можно громче, но в выходные мы не кричим.

Большую часть дня мы играли в кошачью колыбель, в алмазы, скорпиона, кормушку и вязальные спицы.

На ужин у нас мини-пицца: каждому по пицце и еще одна на двоих. Потом мы смотрим планету, где люди носят платья со множеством оборок и огромные белые волосы. Ма говорит, что все они настоящие, только изображают людей, которые умерли сотни лет назад. Это что-то вроде игры, только эта игра не кажется мне очень веселой. Ма выключает телевизор и фыркает:

– Я до сих пор чувствую запах карри, оставшийся после обеда.

– Я тоже.

– Этот соус, конечно, очень вкусный, но противно, что его запах так долго не выветривается.

– Мой соус был тоже очень противным, – говорю я.

Ма смеется. Следы пальцев на ее шее уже проходят. Сейчас они зеленовато-желтого цвета.

– Расскажи мне какую-нибудь историю.

– Какую?

– Которую еще никогда не рассказывала.

Ма улыбается:

– Я думаю, на сегодня ты знаешь все, что знаю я. Может, «Графа Монте-Кристо»?

– Я слышал это уже миллион раз.

– Тогда «Нельсона на необитаемом острове»?

– Это как он выбрался с острова, на котором прожил двадцать семь лет, и стал членом правительства?

– Тогда «Златовласку»?

– Она очень страшная.

– Но ведь медведи всего лишь рычали на нее, – говорит Ма.

– Все равно она страшная.

– Может, «Принцессу Диану»?

– Ей надо было пристегнуться.

– Ну вот видишь, ты все уже знаешь. – Ма переводит дыхание. – Послушай, а есть еще сказка о русалке...

– «Русалочка».

– Нет, другая. Эта русалка однажды сидела на камне, расчесывая свои волосы, и тут к ней подобрался рыбак и поймал ее в свою сеть.

– Чтобы зажарить себе на ужин?

– Нет, нет, он принес ее к себе домой и потребовал, чтобы она вышла за него замуж, – говорит Ма. – Он забрал у нее волшебный гребень, чтобы она не могла уплыть от него в море. Через некоторое время у русалки родился сын...

– По имени Джекер-Джек, – подсказываю я.

– Ты прав. Но когда рыбак уходил ловить рыбу, она осматривала дом и в один прекрасный день нашла свой гребень...

– Ха-ха-ха!

– И она убежала на берег и уплыла в море.

– Нет.

Ма пристально смотрит на меня:

– Тебе не нравится эта сказка?

– Русалка не должна была уходить.

– Ну успокойся. – Она пальцем вытирает слезу у меня в глазу. – Я забыла сказать, что она, конечно же, взяла с собой своего сына, Джекер-Джека, обвязав его своими волосами. А когда рыбак пришел домой, то обнаружил, что там никого нет, и никогда уже больше их не видел.

– А он утонул?

– Кто, рыбак?

– Нет. Джекер-Джек, оказавшись под водой.

– О, не волнуйся, – говорит Ма, – он же наполовину рыба, помнишь? Он умеет дышать под водой.

Она встает посмотреть, сколько времени.

Часы показывают 8:27.

Я лежу в шкафу уже долгое время, но сон так и не приходит. Мы поем песни и молимся.

– Прочитай какой-нибудь стишок, – прошу я. – Ну пожалуйста! – Я выбираю «Дом, который построил Джек», потому что он длиннее всех.

Ма читает, постоянно зевая:

А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую.

Я продолжаю:

Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота...

И тут раздается *бип-бип*. Я мгновенно замолкаю.

Первые слова Старого Ника мне не слышны.

– Гм... извини, – отвечает ему Ма, – мы ели на обед карри. И я подумала, есть ли такая возможность... – Ее голос звучит очень высоко. – Есть ли такая возможность поставить нам вытяжку или что-нибудь в этом роде?

Старый Ник ничего не отвечает. Я думаю, они сидят на кровати.

– Ну хотя бы небольшую, – умоляет Ма.

– Здорово ты придумала, – произносит Старый Ник. – Пусть соседи ломают голову, с чего это я вдруг стал готовить себе острую еду в мастерской?

Я думаю, это снова сарказм.

– Ну извини, – отвечает Ма, – я не подумала об этом...

– Может, мне еще установить на крыше сверкающую неоновую стрелку?

Интересно, как светится стрелка?

– Мне правда очень жаль, – говорит Ма, – я не подумала, что запах, то есть вытяжка, может...

– Я думаю, ты просто не понимаешь, как тебе здесь хорошо, – говорит Старый Ник. – Ты живешь не в подвале, имеешь естественное освещение, вентиляцию – в некоторых местах сделаны отверстия, могу тебя заверить. Свежие фрукты, туалетные принадлежности. Тебе нужно только щелкнуть пальцами – и все появится. Многие девушки благодарили бы Небо за такие условия, где так безопасно. Особенно с ребенком.

Это он обо мне?

– Не надо беспокоиться о том, что твой ребенок попадет под машину, за рулем которой сидит пьяный водитель, – продолжает он. – Никаких тебе торговцев наркотиками, никаких извращенцев...

Тут Ма перебивает:

– Не надо было мне заводить этот разговор о вытяжке, это было ужасно глупо, у нас все хорошо.

– Ну вот и ладно.

Некоторое время они молчат.

Я считаю зубы, но все время сбиваюсь – у меня получается то девятнадцать, то двадцать, а потом снова девятнадцать. Я кусаю язык до тех пор, пока не становится больно.

– Конечно, все со временем изнашивается. Это в порядке вещей. – Его голос звучит отдаленно, я думаю, что сейчас он стоит рядом с ванной. – Этот шов на скобе надо будет почистить песком и заделать. И вот еще, смотри – из-под пробкового покрытия на полу видна основа.

– Мы обращаемся со всеми вещами очень бережно, – говорит мама очень тихо.

– Недостаточно бережно. Пробка не предназначена для того, чтобы по ней много ходили. Я планировал, что здесь будет жить один человек, ведущий малоподвижный образ жизни.

– Так ты ложишься или нет? – спрашивает мама каким-то странным высоким голосом.

– Дай мне снять ботинки, – раздается рычание, и я слышу, как на пол что-то падает. – Не успел я войти, как ты набросилась на меня со своими просьбами...

Лампа гаснет. Старый Ник начинает скрипеть кроватью, я считаю до девяноста семи, после чего мне кажется, что я пропустил один раз, и перестаю считать.

Я лежу, прислушиваясь, хотя в комнате стоит тишина.

По воскресеньям мы едим бублики, которые надо усиленно жевать, с желе и арахисовым маслом. Вдруг Ма вытаскивает свой бублик изо рта – в нем торчит какой-то острый предмет.

– Наконец-то, – произносит она.

Я вытаскиваю этот предмет – он весь желтый, с темными коричневыми пятнами.

– Это тот зуб, который болел?

Ма кивает. Она пробует языком дырку во рту. Все это очень странно.

– Мы можем засунуть его назад и приклеить клейстером.

Но Ма качает головой и улыбается.

– Я рада, что он выпал, теперь не будет болеть.

Всего минуту назад этот зуб был частью ее, а теперь уже нет. Ну и дела!

– Знаешь, что надо сделать, – положи его под подушку, ночью прилетит фея-невидимка и превратит его в деньги!

– Здесь это не получится, – говорит Ма.

– Почему?

– Потому что зубная фея не знает, где находится наша комната. – Ма глядит на стену, словно видит сквозь нее.

Снаружи есть все. Когда я теперь думаю о чем-нибудь, например о лыжах, кострах, островах, лифтах или игрушках, я вспоминаю, что все эти вещи – настоящие, они все существуют снаружи. От этой мысли я устаю. И люди тоже – пожарные, учителя, воры, младенцы, святые, футболисты и все остальные, – они все реально существуют. Но меня там нет, меня и Ма, мы единственные, кого там нет. Может быть, мы уже перестали быть настоящими?

После ужина Ма рассказывает мне о Гансе и Гретель, о том, как пала Берлинская стена, и о Рамплстилтскине. Мне нравится, что королева должна отгадать имя этого маленького человечка, чтобы он не забрал у нее ребенка.

– А все эти истории настоящие?

– Какие именно?

– Ну, о русалке, о Гансе и Гретель и все остальные.

– Ну, – говорит Ма, – в буквальном смысле слова – нет.

– А что такое?..

– Это сказки, в которых рассказывается не о реальных людях, которые ходят по улицам в наши дни.

– Значит, все это вранье?

– Нет, нет. Сказки – это просто другой вид правды.

Лицо у меня сморщилось от попыток понять, о чем она говорит.

– А Берлинская стена – настоящая?

– Да, такая стена была, но теперь ее нет.

Я так устал, что, наверное, разорвусь на две половинки, как сделал в конце концов Рамплстилтскин.

– Ночь, скорее засыпай, клоп, малютку не кусай, – говорит Ма, закрывая дверцу шкафа.

Я думал, что отключусь, но вдруг до меня доносится громкий голос Старого Ника.

– Но витамины... – говорит Ма.

– Это грабеж среди бела дня.

– Ты хочешь, чтобы мы заболели?

– Это же все сплошное надувательство, – говорит Старый Ник. – Однажды я смотрел передачу о витаминах – все они в конце концов оказываются в унитазе.

Кто оказывается в унитазе?

– Я хочу сказать, что если бы мы лучше питались...

– А, вот ты о чем. Все хнычешь и хнычешь...

Я вижу его в дверную щель, он сидит на краю ванны.

В голосе Ма звучит ярость:

– Клянусь, наше содержание обходится тебе дешевле, чем содержание собаки. Нам даже обувь не нужна.

– Ты не имеешь никакого представления о том, как сильно изменилась жизнь. Я имею в виду, ты не знаешь, откуда берутся деньги.

Некоторое время он молчал.

Потом Ма спросила:

– Что ты хочешь этим сказать? Деньги вообще или...

– Шесть месяцев.

Его руки сложены на груди, они огромные.

– Вот уже шесть месяцев, как я сижу без работы, а пришлось ли тебе хоть о чем-нибудь беспокоиться?

Теперь я вижу и Ма, она подходит к нему.

– Что случилось?

– Можно подумать, это кого-то волнует.

Они смотрят друг на друга.

– Ты залез в долги? – спрашивает она. – Как же ты собираешься...

– Заткнись.

Я так испугался, что он ее снова начнет душить, что невольно издал какой-то звук.

Старый Ник смотрит прямо на меня. Он делает шаг, потом еще один и еще – и стучит по щели. Я вижу тень от его руки.

– Эй, ты там! – Это он говорит мне.

В моей груди стучит *бам-бам*. Я поджимаю ноги и стискиваю зубы. Мне хочется забраться под одеяло, но я не могу. Я не могу сделать ни единого движения.

– Он спит, – говорит Ма.

– Она держит тебя в шкафу не только ночью, но и днем?

Слово «тебя» означает меня. Я жду, что мама скажет «нет», но она молчит.

– Это же противоестественно.

Я вижу его глаза, они бледные. Видит ли он меня? Превращусь ли я в камень от его взгляда? И что мне делать, если он откроет дверцу? Я думаю, что мог бы...

– Мне кажется, ты поступаешь неправильно, – говорит он Ма, – ты ни разу не позволила мне взглянуть на него, с тех пор как он родился. Он что, урод с двумя головами или чем-нибудь в этом роде?

Почему он так говорит? Я чуть было не высунул голову из шкафа, чтобы он увидел, что она у меня одна.

Ма загораживает щель в дверце своим телом, я вижу, как сквозь ткань футболки проступают ее лопатки.

– Он просто очень стеснительный.

– У него нет никаких причин меня стесняться, – говорит Старый Ник. – Я ведь и пальцем его не тронул.

А почему он должен трогать меня пальцем?

– Вот, купил ему этот чудесный джип. Я знаю, о чем мечтают мальчики, сам был когда-то пацаном. Вылезай, Джек. – Он произнес мое имя. – Вылезай и получишь леденец.

Леденец!

– Давай лучше ляжем в постель. – Голос Ма звучит очень странно.

Старый Ник издает короткий смешок.

– Я знаю, что тебе нужно, милочка.

Что нужно Ма? Включила ли она это в список?

– Ну иди же скорее, – снова говорит Ма.

– Разве твоя мама не учила тебя хорошим манерам?

Лампа гаснет.

Кровать громко скрипит – это он укладывается.

Я натягиваю на голову одеяло и зажимаю уши, чтобы ничего не слышать. Я не хочу считать скрипы, но все равно считаю.

Когда я просыпаюсь, то вижу, что все еще лежу в шкафу, а кругом крошечная тьма.

Ушел ли Старый Ник? А где леденец? Правило гласит: оставайся в шкафу, пока за тобой не придет Ма. Интересно, какого цвета этот леденец? Можно ли различать цвета в темноте? Я пытаюсь снова заснуть, но мне это не удается. Высуну-ка я голову, просто чтобы...

Я открываю дверцы шкафа очень медленно и тихо. Слышен только звук работающего холодильника. Я встаю на пол, делаю один шаг, два шага, три. Вдруг моя нога натывается на что-то. Ой-ой-ой! Я поднимаю этот предмет и вижу, что это ботинок, гигантский ботинок. Я гляжу на кровать – там лежит Старый Ник. Мне кажется, что его лицо сделано из камня. Я протягиваю палец, но не трогаю его, а просто держу палец совсем близко.

Тут его глаза сверкают белым. Я отпрыгиваю назад, роняя ботинок. Сейчас он закричит, думаю я, но он улыбается, показывая большие сверкающие зубы, и говорит:

– Привет, сынок.

Я не знаю, что такое...

Но тут раздается крик Ма. Я никогда еще не слышал, чтобы она так кричала, даже во время наших ежедневных упражнений.

– Беги, беги прочь от него!

Я бросаюсь к шкафу, ударяюсь головой, ой как больно, а она все кричит:

– Беги прочь от него!

– Заткнись, – говорит Старый Ник. – Заткнись. – Он обзывает ее всякими словами, но я не слышу их из-за ее крика. Наконец ее голос звучит тише. – Прекрати! – рывкает он.

Но Ма вместо слов произносит *мммммм*. Я двумя руками держусь за то место на голове, которым я ударился.

– Ты просто безмозглая дура, вот ты кто.

– Я могу вести себя тихо, – говорит Ма еле слышно. Я слышу ее прерывистое дыхание. – Ты знаешь, как тихо я могу себя вести, если ты его не трогаешь. Это единственное, о чем я тебя прошу.

Старый Ник громко фыркает:

– Ты начинаешь просить о разных вещах. Всякий раз, как только я открываю дверь.

– Это все для Джека.

– Да, но не забывай, откуда он взялся.

Я наостряю уши, но Ма ничего не отвечает.

Раздаются какие-то звуки. Он достает одежду? Нет, наверное, надевает ботинки.

После того как он уходит, я не сплю. Я бодрствую всю ночь. Я жду сотню часов, но Ма так и не забирает меня из шкафа.

Я гляжу на крышу. Неожиданно она поднимается вверх, и в комнату врывается небо. Ракеты, коровы и деревья падают мне на голову...

Нет, я лежу в кровати, в окно просачивается свет, – должно быть, уже утро.

– Это просто кошмарный сон, – говорит мама, глядя меня по щеке.

Я немного пососал, но не много, в левой груди молоко очень вкусное. Тут я вспоминаю вчерашние события и поворачиваюсь к Ма, выискивая новые следы на ее шее, но их нет.

– Мне очень жаль, что я вылез ночью из шкафа.

– Я знаю.

Значит ли это, что она меня прощает? Тут я вспоминаю еще кое о чем.

– А что такое «урод»?

– Не надо об этом, Джек.

– А почему он сказал, что у меня не все в порядке?

Ма издает стон.

– Все у тебя в полном порядке. – Она целует меня в нос.

– Но почему тогда он сказал это?

– Он просто хотел меня разозлить.

– Почему?

– Вспомни, как ты любишь играть с машинками, шариками и другими предметами. Ну а он любит играть у меня на нервах. – И Ма стучит себя по голове. Я не знаю, как это – играть на нервах.

– А почему он сказал, что сидит без работы?

– Наверное, он ее потерял, – говорит Ма.

А я думал, что терять можно вещи – вроде нашей кнопки из набора. Снаружи все устроено совсем по-другому.

– А почему он сказал: «Не забывай, откуда он взялся»?

– Послушай, дай мне передохнуть одну минутку, хорошо?

Я считаю про себя: один бегемот, два бегемота, но все шестьдесят секунд этот вопрос вертится у меня в голове.

Ма наливает себе стакан молока, позабыв налить мне. Она смотрит в холодильник, в котором нет света, это странно. Она закрывает дверцу.

Минута прошла.

– Так почему он сказал: не забывай, откуда я взялся? Разве я не прилетел с небес?

Ма включает лампу, но она тоже не зажигается.

– Он имел в виду, чей ты сын.

– Я – твой сын.

Ма слабо улыбается.

– Может быть, лампочка перегорела?

– Не думаю. – Ма трясется от холода и идет проверить обогреватель.

– А почему он сказал тебе, чтобы ты не забывала об этом?

– Ну, на самом деле он думает, что ты его сын.

– Ха! Вот дурак!

Ма глядит на обогреватель.

– Нам отключили электричество.

– Как это?

– Электрический ток перестал течь по проводам.

Странный сегодня день!

Мы завтракаем, чистим зубы, одеваемся потеплее и поливаем цветок. Мы пытаемся налить в ванну воды, но она просто ледяная, и нам приходится умываться не раздеваясь. Небо в окне светлеет. Но ненадолго. Телевизор тоже не работает, и мне так недостает моих друзей. Я делаю вид, что они появляются на экране, и похлопываю по ним пальцами. Ма предлагает надеть еще одну рубашку и штаны, чтобы согреться, и две пары носков. Мы пробегаем несколько миль по Дорожке, после чего Ма велит мне снять вторую пару носков, поскольку мои пальцы хлюпают в них.

– У меня болят уши, – говорю я ей.

Мамины брови взлетают вверх.

– Слишком тихо вокруг.

– А, это потому, что мы не слышим всех тех звуков, к которым привыкли. Ну, например, тех, которые издает поток теплого воздуха из обогревателя или работающий холодильник.

Я играю с большим зубом, пряча его в разных местах – под комодом, в банке с рисом или за жидкостью для мытья посуды. Я стараюсь забыть, куда спрятал его, а потом радуюсь, находя. Ма режет всю зеленую фасоль, которая была в холодильнике; зачем так много?

И тут я вспоминаю о приятном эпизоде, случившемся ночью.

– Послушай, Ма, а где мой леденец?

Она все режет свою фасоль.

– В мусорном ведре.

Почему он оставил его там? Я подбегаю к ведру, нажимаю на педаль, крышка подскакивает со звуком *пинг*, но никакого леденца я не вижу. Я роюсь в апельсиновой кожуре, рисе, рагу и пластиковых упаковках. Ма берет меня за плечи:

– Прекрати.

– Он принес мне эту конфету в подарок, – говорю я ей.

– Это мусор.

– Нет, не мусор.

– Да он потратил на этот леденец, наверное, центов пятьдесят. Он хотел над тобой посмеяться.

– Я никогда еще не пробовал леденцов на палочке. – Я сбрасываю ее руки с моих плеч.

На плите нельзя ничего разогреть, потому что нет электричества. На обед мы едим скользкую мороженую фасоль, которая еще противнее вареной. Но мы должны ее съесть, а то она разморозится и пропадет. По мне так пусть пропадает, но еду надо беречь.

– Хочешь, я почитаю тебе «Сбежавшего кролика»? – спрашивает Ма после того, как мы умываемся холодной водой.

– А когда нам включают ток?

– Извини, но я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.